

АВТОБУС ДО НОВОГО ДОМА

СЕРГЕЙ ЛISOB

Сергей Лисов

Автобус до нового дома

«Автор»

2026

Лисов С.

Автобус до нового дома / С. Лисов — «Автор», 2026

Водитель школьного автобуса Андрей Климов первым соглашается осмотреть квартиру для переселения из аварийного дома на горной улице. Его осторожная подпись неожиданно становится для администрации согласием на переезд, а для соседей — предательством общего дела. Пока оползень удлиняет школьный маршрут и дом становится опаснее с каждым днём, брат Андрея находит документы, которые меняют память о покойной матери — многолетней защитнице жильцов. Восемь лет назад она скрыла от соседей реальные предложения о расселении, пытаясь уберечь семью от последствий долга сына. Теперь Андрею предстоит открыть правду, не позволить чиновникам использовать её как оправдание спешки и добиться, чтобы каждый жилец решал за себя. Это роман о двух братьях, цене доброго имени и дороге к новому дому, которая должна остаться безопасной для всех.

© Лисов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Трещина у остановки	6
Глава 2. Первая подпись	14
Глава 3. Половина квартиры	19
Глава 4. Дом в долине	26
Глава 5. Крюк маршрута	33
Глава 6. Собрание в сушилке	41
Глава 7. Мамино имя	49
Глава 8. Две оценки	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Лисов

Автобус до нового дома

От автора

Дом редко состоит только из стен. В нём остаются деньги, вложенные разными людьми, старые обещания, семейные ссоры и репутация тех, кого уже нельзя спросить. Поэтому решение уехать из опасного здания бывает труднее, чем кажется человеку, который видит лишь трещину на фасаде.

Эта история — о праве жильцов знать, что за них решали раньше, и самим выбирать между привычным местом и безопасностью. Ещё она о двух братьях, которым приходится отделить любовь к матери от обязанности защищать каждое её решение.

Здесь нет одного человека, способного спасти целую улицу подписью. Но одна подпись может заставить соседей посмотреть на предложение, один отказ — потребовать честного расчёта, а один открытый документ — вернуть людям выбор, которого их когда-то лишили.

Глава 1. Трещина у остановки

В половине шестого Андрей Климов вышел из подъезда и сразу увидел, что ступенька стала выше.

Вчера с крыльца на асфальт сходили почти ровно, а теперь нижняя плита задрала правый край, будто кто-то подсунул под неё лом. В щели темнела свежая земля. Ночной снег уже успел припорошить двор, но вдоль фундамента тянулась чёрная, мокрая полоса.

Андрей поставил сумку с термосом на перила, присел и провёл пальцами по краю плиты. Земля была липкой. На ладони осталась глина, хотя всю неделю держался мороз.

— Опять смотрите? — спросила сверху Лидия Сафронова.

Она стояла на площадке второго этажа в халате и пуховом жилете. Окно за её спиной было открыто, из подъезда тянуло холодом и варёной свёклой.

— Теперь есть на что смотреть.

— Ночью грохнуло. Без десяти три. Я по часам видела.

— Где?

— Не поймёшь. Словно шкаф уронили, только у нас никто не двигался. Я всех утром спрошу.

Андрей вытер руку о снег. Подошва правого ботинка при спуске зацепилась за плиту. Для взрослого — неприятность, для Сони Мельник, которая по этой лестнице бегала с рюкзаком, — готовое падение.

— Пока никого не выпускайте через эту сторону. Я ленту у автобуса возьму.

— А если не лента нужна?

Лидия не повысила голоса, но Андрей понял её. Если грунт опять пошёл, ограждать следовало не ступеньку.

Он поднял сумку и пересёк двор. Школьный автобус стоял за сараями на расчищенной площадке, носом к выезду. Жёлтая краска в свете фонаря казалась серой. Андрей всегда оставлял машину так, чтобы утром не сдавать назад между гаражами: дети могли выскочить из-за любого угла, а зеркала в снегопад быстро слепли.

Он обошёл автобус, проверил колёса, фонари и дверь, потом открыл капот. Масло, охлаждающая жидкость, ремни — всё было на месте. В салоне пахло резиной, железом и сладким яблочным освежителем, который перед каникулами повесила над своим сиденьем сопровождающая. Андрей снял освежитель ещё в декабре, но запах остался.

Из бокового ящика он достал моток красно-белой ленты и два складных конуса. Один поставил у задранной плиты, второй — у дорожки со стороны детской площадки. Ленту привязал к перилам и водосточной трубе. Труба качнулась.

Андрей потянул её осторожнее и увидел трещину.

Она начиналась под окном квартиры Мельников, пересекала серый цоколь и уходила вниз, к отмостке. В верхней части была тонкой, с волос, а внизу раскрывалась почти на два пальца. По краям осыпалась штукатурка. На снегу лежали ещё сухие светлые крошки — значит, трещина появилась недавно, уже после вечерней уборки двора.

Лидия спустилась, накинув платок поверх жилета.

— Эта была? — спросил Андрей.

Она не стала подходить близко.

— Была ниточка. Тамара ещё карандашом черту ставила. Года три назад. Но чтобы такая — нет.

Имя матери возникло между ними как вещь, которую оба увидели и решили пока не брать в руки. Тамара Климова отмечала трещины датами, писала заявления, собирала подписи,

ходила к заместителю главы района без записи. После её смерти папка с ответами осталась в шкафу, а председательские заботы почти сами перешли к Лидии.

— Сфотографируйте с линейкой, — сказал Андрей. — И в аварийную службу отправьте. Я с рейса позвоню.

— Ты хозяин половины квартиры и водитель автобуса, а не инженер.

— Поэтому и не буду говорить, что дом сейчас рухнет. Пусть приезжают те, кто может сказать.

— А до них?

Андрей посмотрел вверх. В нескольких окнах зажёгся свет. Дом стоял четырьмя этажами поперёк склона. За ним поднималась крутая полоса огородов и гаражей, впереди улица сбегала к центру Белогорья. При ясной погоде из окон третьего этажа было видно новые белые дома в долине. Сейчас долину закрывал мелкий снег.

— До них не ходить у стены и не выпускать детей одних. Если скажут выходить — выйдем.

— Все?

— Все.

Лидия кивнула, но не успокоилась. Андрей и сам не поверил собственному короткому ответу. Выйти из дома можно было за две минуты. Уехать из него — совсем другое.

В шесть десять автобус поднялся от Верхней улицы к первому посёлку. Андрей ехал медленнее обычного. Вчера на повороте у водокачки асфальт лежал ровно, сегодня через правую полосу прошёл бугор, похожий на замёрзшую волну. Он остановился, включил аварийные огни и вышел.

Снег укрывал обочину гладко, но за ограждением на склоне проступила дуга голой земли. Несколько камней скатились в канаву. Выше, между соснами, земля осела узкой ступенью.

Андрей набрал диспетчера.

— Валентина Петровна, у водокачки подвижка. Полоса пока цела, но бугор свежий. Я проеду пустым и детей повезу через старый карьер.

— Через карьер сорок минут сверху набавишь.

— Тридцать пять, если дорогу почистили. А здесь с детьми не пойду.

— Ты дорожников вызвал?

— Сейчас вызову. Предупредите школу и родителей по списку.

— Может, сначала дорожники скажут? У нас второй автобус на ремонте.

Андрей посмотрел на след своей подошвы возле ограждения. За несколько секунд на его край осыпались мелкие комочки глины.

— Я уже сказал. На маршруте отвечаю я.

Он позвонил в единую службу, назвал километр и ближайший столб. Потом переставил за лобовым стеклом табличку с номером временного рейса и развернулся на площадке у водокачки.

Старую карьерную дорогу чистили хуже. Автобус шёл между серыми снежными стенками, ветки царапали крышу. На первой остановке ждали пятеро детей и три родителя. Они махали ещё издали, словно Андрей мог проехать мимо.

— Почему снизу пришёл? — спросил Николай Мельник, Сонин отец, когда дверь открылась.

— У водокачки склон пошёл. Едем через карьер.

— А нас когда предупредили бы?

— Диспетчер обзванивает.

— Мне никто не звонил.

За спиной Николая дети переминались и стучали ботинками друг о друга. Андрей открыл дверь шире.

— Садитесь. На ходу рассказывать не буду.

Николай посадил Соню, проверил, застегнула ли она ремень, и остался на ступеньке.

— У дома утром тоже лента твоя?

— Моя. Трещина раскрылась.

— Сильно?

— Службу вызвали. Пока не осмотрят, никого к стене не подпускать.

Соня сняла варежку и дёрнула отца за рукав.

— Пап, я опоздаю.

— Все опоздают, — сказал Андрей. — В школе знают.

Николай сошёл. Дверь закрылась, и автобус медленно тронулся. В зеркале Андрей видел, как Соня прижимается лбом к стеклу, пытаясь разглядеть отца за снежной пылью.

Восемнадцать детей он собрал с опозданием на двадцать две минуты. У младшей группы замёрзли ноги: их остановка была без павильона. Андрей включил отопление сильнее, хотя на подъёме двигатель и без того грелся. Сопровождающая Нина раздала салфетки и заставила всех снять мокрые капюшоны.

— Дядя Андрей, а дорога сломалась? — спросил первоклассник с переднего сиденья.

— Дорога цела. Земля рядом с ней сдвинулась.

— Она может упасть?

— Поэтому мы поехали в другом месте.

— А наш дом?

— Твой дом далеко.

— А Сонин?

В салоне стало тише. Соня сидела через два ряда и смотрела в окно.

— Дом проверяют специалисты, — ответил Андрей. — Мы не будем гадать вместо них.

Он сказал это детям, но говорил и себе. За сорок минут пути трещина успела вырасти в его мыслях до четвёртого этажа, разрезать стену через материнскую спальню и раскрыть шкаф, в котором лежали документы на квартиру. Он заставил себя следить за дорогой: ледяной карман у ручья, узкий мост, встречный грузовик возле пилорамы. Каждая вещь требовала отдельного решения. Это было легче, чем решать судьбу дома.

У школы детей встречала завуч. Она пересчитала их по списку и только после этого спросила:

— Обратно тем же крюком?

— Если дорогу не откроют — тем же.

— Родители уже звонят. Говорят, ты самовольно поменял маршрут.

— Я сообщил диспетчеру до первой остановки.

— Я не обвиняю. Мне знать надо, когда выпускать классы.

— Позвоню после одиннадцати. Пусть младших раньше не выводят.

Андрей расписался в путевом листе, вписал отклонение от маршрута и точное время. В графе причины написал: «Свежая деформация дорожного полотна и грунта у водокачки». Слово «оползень» он не употребил. Оползень должен был подтвердить тот, кто отвечал за склон.

Когда он вернулся к автобусу, телефон показывал девять пропущенных. Пять от жильцов, два от Лидии, один от Олега и один с городского номера. Андрей начал с Лидии.

— Приехали? — спросил он.

— Аварийка была. Сфотографировали и уехали. Сказали, инженер после обеда. Ещё женщина из администрации пришла, тебя спрашивает.

— Какая женщина?

— Белова. Из расселения. С папкой.

— Почему сегодня?

— Говорит, давно собиралась. Очень удачно собралась, да?

Андрей слышал, как у Лидии хлопнула дверь и кто-то громко потребовал не стоять под окнами. Во дворе начинался обычный общий спор, в котором каждый считал громкость доказательством.

— Пусть оставит телефон. Я буду после развоза.

— Она предложения принесла. По квартирам.

— Какие предложения?

— На обмен. Говорит, в долине дом сдали, есть свободные квартиры. И подписи нужны быстро.

Андрей прислонился к холодному боку автобуса.

Слово «расселение» звучало в доме №14 много лет. Сначала как обещание, потом как угроза, потом как шутка. Тамара приносила с собраний очередные бумаги и раскладывала их на кухонном столе. Одни квартиры оказывались меньше, другие существовали только в будущем доме, на который ещё не выделили денег. После каждого отказа она говорила соседям, что добилась для них времени и лучших условий. Андрей верил ей потому, что видел, как она возвращалась с заседаний уставшая, с красными следами от ручек тяжёлой сумки на ладонях.

Теперь у стола в материнской кухне стояла чужая женщина с новой папкой.

— Ничего без осмотра дома не подписывать, — сказал Андрей.

Лидия помолчала.

— Она то же самое говорит. Пока только получить предложение и согласиться посмотреть квартиру.

— Это тоже подпись.

— Вот и приезжай читать.

Олег позвонил снова прежде, чем Андрей успел набрать его сам.

— Ты что там огородил? — спросил он без приветствия.

— Крыльцо. Плита поднялась, на цоколе новая трещина.

— Мне Николай прислал фотографию. Почему я от него узнаю?

— Потому что в шесть утра я вёз детей, а ты, как я надеялся, спал.

— Не надо за меня надеяться. Это моя половина квартиры.

— Трещина пока общая.

— Очень смешно. Белова правда пришла?

— Правда.

— Ничего не подписывай.

— Я ещё бумаги не видел.

— Вот и не увидишь без меня. Я в Новом посёлке, холодильник разобран. Освобожусь к пяти.

— К пяти инженер уже будет.

— Инженер пусть смотрит стены. Квартира принадлежит нам двоим.

Андрей закрыл глаза. Олег повторял эту фразу всякий раз, когда в доме текла крыша, меняли стояк или требовалось заплатить за ремонт подъезда. Его половина становилась особенно заметной в день расходов и исчезала в день уборки подвала. Но деньги на новые трубы и окна Олег действительно дал. После смерти матери Андрей переехал в её квартиру, а брат остался с женой и дочерью в своём небольшом доме у рынка. Они договорились не продавать наследство, пока оба не поймут, что делать. Четыре года это означало не делать ничего.

— Я не распоряжусь твоей долей, — сказал Андрей. — Но если дом признают опасным прямо сейчас, ждать до пяти никто не будет.

— Ты умеешь ждать, когда тебе удобно. До меня мать там жила одна, и ничего.

— Мать умерла четыре года назад. Земля ночью пошла сейчас.

В трубке стало тихо. Олег первым прекратил спор.

— Сфотографируй все бумаги. Не одну страницу, все.

— Хорошо.

— И не ставь подпись, даже что получил.

— Получил — значит получил.

— Вот поэтому я и еду.

Он отключился.

До обратного рейса оставалось два часа. Андрей мог пообедать в школьной столовой или съездить домой, но автобус нельзя было использовать для личной поездки, а пешком через нижний мост требовалось сорок минут в одну сторону. Он сел в пустом салоне, налил чай из термоса и открыл фотографию, которую прислал Николай.

Трещина на экране выглядела хуже, чем утром. Рядом Лидия держала школьную линейку. Раскрытие у цоколя доходило до трёх сантиметров. На следующем снимке был лист с гербом района и крупными словами «Предложение о предоставлении жилого помещения».

Андрей увеличил текст. Адрес в долине, дом 7, корпус 2. Площадь — пятьдесят один и восемь десятых квадратного метра. Их квартира на Верхней была пятьдесят четыре и три. В старом техническом паспорте отдельно числилась холодная кладовая в подвале, где Тамара хранила банки, инструмент и зимнюю картошку. В предложении о кладовой ничего не было.

Он пролистал сообщения жильцов. Кто-то уже нашёл фотографии нового дома. Кто-то написал, что окна квартир выходят на очистные сооружения. Кто-то уверял, что до очистных три километра и запаха нет. Наталья с четвёртого этажа потребовала не соглашаться на первый этаж. Пенсионер Корнеев, которому тяжело было подниматься без лифта, просил только первый. За одно утро общий дом распался на двадцать семь отдельных желаний.

В половине двенадцатого дорожная служба сообщила: участок у водокачки закрывают до обследования. Андрей отметил расстояние по запасному пути, пересчитал время и позвонил завучу. Затем связался с диспетчером.

— На вечерний рейс надо добавить сорок минут, — сказал он. — И топливо по факту.

— Добавим, если начальник подпишет.

— Дети не должны ждать у школы, пока он подпишет.

— Тогда забирай по старому времени и привезёшь позже.

— Младшие устанут сидеть лишний час.

Они сошлись на том, что первый и второй классы отпустят на двадцать минут раньше, а старших соберут после кружков. Нина перепроверила список и телефоны родителей. Андрей записал изменения на обороте путевого листа, чтобы вечером никто не вспоминал договорённость по-разному.

Когда автобус спустился в Белогорье, уже темнело. У дома №14 стояла белая машина администрации, аварийный фургон и два легковых автомобиля жильцов. Во дворе толпились люди. Лента Андрея провисла под снегом, но никто за неё не заходил.

Он припарковал автобус на площадке, заглушил двигатель и только потом увидел новую отметку на стене. Инженер провёл поперёк трещины синюю линию и написал время. Рядом приклеили белый маячок с номером.

— Дядя Андрей, наш дом правда уедет вниз? — спросила Соня, задержавшись у двери.

— Сам дом никуда не поедет, — ответил он. — А мы, может быть, переедем. Но сначала взрослые всё проверят.

— Папа сказал, вы опять будете ругаться.

— Наверное. Это не значит, что кто-то обязательно сделает плохо.

Соня подумала, поправила рюкзак и спустилась. Николай встретил её у конуса и повёл в обход крыльца.

Женщина из администрации стояла у капота белой машины. На ней была короткая тёмная куртка и зелёная шерстяная шапка. Папку она держала под курткой, защищая от снега.

— Андрей Викторович Климов? Ирина Белова. Отдел жилищных программ.

— Знаю. Вы весь день меня ждёте?

— Я весь день работаю с вашим домом. Вас ждала последний час. Мы раздали предварительные предложения собственникам, кого нашли.

— Сначала дом посмотрели?

— Инженер здесь. Немедленной эвакуации всего здания он пока не требует. Ограничили подход к восточной стене и вход в подвал. Завтра поставят наблюдение на трещины, обследуют склон.

— А предложения вы почему принесли именно сегодня?

Ирина не отвела глаз.

— Потому что дом включён в программу, а в новом корпусе освободилось несколько квартир. Вы можете считать совпадение неудачным. Я считаю, что после ночной подвиги откладывать разговор опаснее, чем начать его не вовремя.

Лидия, стоявшая рядом, одобрительно хмыкнула, хотя утром называла приход Ирины слишком удачным.

— Что вам нужно от меня сейчас? — спросил Андрей.

Ирина открыла папку на капоте. Под прозрачной обложкой лежал план квартиры. Две комнаты, кухня, лоджия, совмещённый санузел. Площадь совпадала с той, что Андрей видел на фотографии.

— Подтверждение, что вы получили предложение, и согласие на осмотр. Не согласие на обмен. Не отказ от требований. Осмотр назначим на удобный день, можно с другим собственником и оценщиком.

— А если я не распишусь?

— Отправим заказным письмом. Вы потеряете несколько дней, больше ничего.

— Сколько у нас дней?

— Формально ответ нужен до конца месяца. Но по дому должно быть общее понимание раньше, чтобы квартиры не разошлись другим адресам.

— То есть кто первый согласится смотреть, тот удержит квартиру?

— Нет. Осмотр ничего не закрепляет. Я не хочу обещать вам то, чего нет в положении.

Вокруг них собрались жильцы. Андрей видел мокрые плечи, красные от холода лица, снежинки на ресницах. Каждый слушал не только за себя. Если он возьмёт ручку, завтра скажут, что Климов согласился на переезд. Если откажется, скажут, что сын Тамары снова защищает дом. В обоих случаях его поступок станет больше его доли.

— Где указано, что это только осмотр? — спросил он.

Ирина перевернула лист и показала нижний абзац. Андрей прочитал его дважды. Там действительно говорилось о получении предложения и намерении осмотреть помещение. Решение о принятии или отказе оформлялось отдельно.

— У квартиры два собственника, — сказал он. — Мой брат будет к пяти.

— Уже половина шестого.

Андрей посмотрел на часы. На запасном маршруте время как будто осталось в горах.

— Значит, скоро будет.

— Получение вы можете подтвердить один. Осмотр назначить с учётом обоих.

Лидия наклонилась к плану.

— А кладовая?

— В новом доме отдельных кладовых нет.

— А разница в площади?

— Обсудим оценку и допустимые варианты. Я не предлагаю вам подписывать согласие на эту квартиру сегодня.

Из подъезда вышел инженер в оранжевом жилете. Он снял перчатку, записал что-то в журнал и попросил жильцов не задерживаться во дворе.

— Изменение есть? — спросил Андрей.

— За сорок минут маяк цел. Но это пока ни о чём. Ночью слушайте объявления, телефоны не выключайте. Если дверь начнёт заедать, посыплется штукатурка или услышите треск — выходите и звоните сразу.

— Где людям ночевать, если станет хуже?

— Администрация определит пункт временного размещения. Сейчас оснований выводить весь дом у меня нет.

Слова были осторожными и потому не утешали.

Олег появился, когда Ирина уже убирала план. Он поднялся от улицы быстрым шагом, в рабочей куртке с пятнами машинного масла, неся пластиковый чемодан с инструментом. Наверное, заехал прямо от клиента.

— Ничего не подписал? — спросил он вместо приветствия.

Жильцы притихли. Андрей почувствовал, как у него нагрелись уши.

— Получил предложение. Подписи пока нет.

— Тогда поехали домой и прочитаем.

— Домой — это сюда, — сказала Лидия.

Олег мельком посмотрел на неё.

— Пока сюда. И именно поэтому торопиться не надо.

— А тебе отсюда не выскакивать ночью с чемоданом, — ответил Николай.

— Моя дочь бывает здесь у дяди не реже твоей.

Ирина подняла ладонь.

— Я оставлю копию обоим собственникам. Завтра позвоните и назовёте день осмотра. Сегодня от вас решения не требуется.

— А от дома? — спросила женщина из третьего подъезда.

— От дома тоже. Но чем раньше вы увидите квартиры и соберёте вопросы, тем меньше придётся верить чужим пересказам.

Андрей посмотрел на окна. В кухне их квартиры горел свет — Лидия утром заходила перекрыть воду и не выключила. За стеклом висела занавеска с жёлтыми листьями, которую Тамара купила на рынке лет десять назад. Снег налипал на подоконник. У восточной стены синяя линия пересекала трещину, и казалось, что дом уже получил отметку, после которой прежним не останется.

— Давайте ручку, — сказал Андрей.

Олег резко повернулся к нему.

— Ты слышал меня?

— Слышал. Я подтверждаю, что получил бумагу, и запишусь на осмотр вместе с тобой. Квартиру без тебя не приму.

— Им только первая подпись и нужна. Потом по всему дому скажут: Климовы согласились.

— Тогда я рядом напишу от руки, на что согласился.

Ирина достала синюю ручку.

Андрей встал так, чтобы свет из салона автобуса падал на лист. В строке о получении он расписался и поставил дату. Ниже, перед подписью о намерении осмотреть квартиру, написал: «Только осмотр. Решение об обмене не принято. Второй собственник уведомлён».

— Копию сейчас, — сказал Олег.

Ирина сфотографировала лист переносным сканером и протянула им два экземпляра.

Кто-то за спиной спросил адрес новой квартиры. Кто-то — площадь. Лидия потребовала принести планы на весь дом. Разговор сразу сдвинулся с трещины на этажи, окна, балконы

и расстояние до остановки. Подпись Андрея ещё не высохла, а решение уже начало жить без него.

Олег сунул свою копию в карман.

— Мать бы так не сделала.

— Мать сначала посмотрела бы квартиру.

— Ты теперь за неё отвечаешь?

— Нет. За себя.

Андрей сложил бумагу пополам и убрал во внутренний карман куртки. Потом снял с автобуса ещё два конуса и отнёс их к восточной стене. Снег засыпал следы людей, но возле трещины оставалась чёрная полоса сырой земли.

Из дома доносились шаги. Жильцы поднимались по лестницам, открывали двери, звали друг друга на кухни. Этой ночью они ещё спали в своих квартирах. Но после первой подписи каждый уже примерял к себе чужой адрес.

Глава 2. Первая подпись

Утром дверь в кухню закрылась не сразу.

Андрей потянул её на себя, но верхний угол упёрся в коробку. Пришлось приподнять полотно за ручку. Вчера дверь ходила свободно.

Он постоял, не выпуская ручки, потом открыл и закрыл ещё раз. Заедало одинаково. На косяке осталась свежая светлая царапина.

Телефон лежал на столе среди двух копий предложения. За ночь в домовом чате появилось сто восемь сообщений. Андрей не стал читать их подряд. В строке поиска набрал свою фамилию.

«Климов уже согласился».

«Раз водитель подписал, значит, сведения у них точные».

«Он за свою квартиру решил, а нас не спрашивал».

«С первой подписью процесс считается начатым».

Последнюю фразу написала Лидия в одиннадцать вечера. Под ней стояла фотография листа, приколотого к доске объявлений у первого подъезда. На листе была таблица квартир. Напротив номера двадцать три значилось: «Предложение получено. Согласие — да».

Андрей увеличил снимок. В правом верхнем углу виднелся герб районной администрации. Под таблицей мелко было напечатано: «Оперативная информация, не является итоговым решением собственников».

Слово «да» от этого не становилось другим.

В дверях появился Олег. Ночью он остался у брата: инженер велел не расходиться далеко, а дорогу к его дому занесло. Спал на диване в материнской комнате, не разобрав постель до конца.

— Видел? — спросил он.

— Вижу.

— Я тебе что говорил?

Андрей снова проверил кухонную дверь.

— Сними видео, — сказал Олег.

— Зачем?

— Затем, что косяк повело. Время скажи вслух. И маяк сними, пока они не заявили, что всё было раньше.

Андрей включил камеру. Назвал дату, время и адрес, показал, как верхний угол касается коробки. Олег приложил к щели пластиковую карту из магазина. Внизу карта входила свободно, сверху не проходила.

— Теперь звони аварийщикам, — сказал он.

— Сначала позвоню. Потом пойду смотреть маяк.

— А таблицу оставишь?

— Нет.

Олег усмехнулся без радости.

— У тебя всегда сначала дорога, потом дом, потом то, из-за чего мы ругаемся.

— Если дверь ведёт, таблица пять минут подождёт.

— Она уже ночь не ждала.

Аварийный диспетчер принял заявку и велел не запираť входную дверь на внутренний замок. Инженер должен был приехать в течение часа. Андрей оделся, взял фонарь и вышел во двор.

У маячка стояла Лидия. Она держала над ним прозрачный пакет, защищая от мокрого снега, и фотографировала линейку.

— Цел? — спросил Андрей.

— Белая полоска цела. Трещина ниже мокрее стала. У Корнеевых дверь в ванную не закрывается.

— Вызов сделали.

— Я тоже. У тебя телефон зачем выключен?

— Не выключен. На беззвучном был.

Лидия убрала линейку в карман. Андрей показал ей снимок таблицы.

— Кто повесил?

— Ирина вечером дала. Я повесила.

— Почему напротив меня «согласие — да»?

— Потому что ты согласился смотреть.

— Тогда так и надо написать.

— Там внизу пояснение.

— Люди читают строку напротив своей квартиры. Ты сама написала, что я согласился.

— Я написала, что процесс начался. А он начался.

— Процесс обследования квартиры. Не переезда.

Лидия устало потёрла переносицу.

— Андрей, весь дом семь лет требует дать нам варианты. Варианты дали. Если сейчас каждый спрячется за одним словом, квартиры уйдут. А потом мы будем ждать ещё семь лет.

— Если сейчас одним словом спрячут разницу между осмотром и согласием, люди подпишут то, чего не выбирали.

— Там никто никого не тащит.

— Тогда исправить легко.

Они прошли к доске объявлений. У листа уже стояли трое жильцов. Корнеев в домашней шапке водил пальцем по строкам, Наталья с четвёртого этажа снимала таблицу, Николай Мельник читал через её плечо.

— Вот первый переселенец, — сказал Николай, заметив Андрея.

— Я первый осматривающий, — ответил Андрей. — Если Белова не исправит таблицу, сегодня осмотра не будет.

— А я бы поехал, — сказал Корнеев. — Мне первый этаж покажут?

— Вам отдельное предложение должны дать.

— Дали третий. Снова третий. Я им справку про колени принёс.

— Вот это и надо исправлять до согласия.

Наталья повернула к Андрею телефон.

— А ты правда запускаешь порог? Тут пишут, после первой подписи им надо ещё десять, и дом расселят без остальных.

— Кто пишет?

— В городском чате. Не знаю.

— Тогда это не факт.

— Белова должна объяснить, — сказал Николай. — Вчера она красиво говорила, а ночью список повесили.

Андрей снял лист с кнопок. Лидия схватила его за край.

— Не рви. Это официальный документ.

— Я не рву. Сфотографируем и уберём до исправления.

— Ты не председатель.

— А моя подпись не объявление.

Они замерли, держа лист каждый со своей стороны. Бумага натянулась и тихо затрещала у кнопки. Андрей отпустил первым.

— Хорошо. Не снимаю. Рядом повешу копию того, что подписал.

Он поднялся в квартиру, сделал фотографию своей страницы и отправил Ирине Беловой. Следом написал: «В оперативной таблице согласие на осмотр обозначено как согласие “да”. Прошу немедленно уточнить вид согласия письменно. До исправления прошу не назначать осмотр».

Олег прочитал через его плечо.

— Слишком вежливо.

— Зато понятно.

— Надо написать, что отзываем подпись.

— Я не отзываю. Квартиру всё равно надо увидеть.

— Ты ещё не видел, а уже защищаешь их предложение.

— Я защищаю разницу между посмотреть и принять. Для всех, не только для себя.

Олег сел на табурет, где раньше сидела мать, когда перебирала квитанции. Клеёнка на столе была новая, но прожжённое чайником пятно проступало под ней тёмным кругом.

— Для всех, — повторил он. — Ты всегда так говоришь, когда решаешь за семью.

— Вчера я как раз не решил за тебя.

— Ты дал им первую строчку. Теперь соседи будут смотреть не на метры, а на нас. Мать это понимала.

— Мать ходила смотреть все варианты.

— И отказывалась, если они были хуже.

— Поэтому я хочу увидеть, хуже этот или нет.

Олег открыл рот, но звонок в дверь перебил его. Пришёл инженер с молодым помощником. Они проверили кухонную коробку, поставили карандашные отметки, прошли по комнатам с уровнем. В спальне помощник заметил тонкую диагональную полосу над окном.

— Она старая, — одновременно сказали братья.

Инженер посветил фонарём.

— Старая, покрашенная. Свежего раскрытия не вижу. Дверь могло повести от влажности, могло от деформации. Понаблюдаем. Чемоданы соберите на случай выхода, документы держите при себе.

— Это рекомендация или эвакуация? — спросил Олег.

— Рекомендация. При эвакуации скажем прямо.

— А ночью кто скажет?

— Дежурный обзвонит, машина пройдёт с громкоговорителем. Номера жильцов у администрации есть?

Андрей и Олег посмотрели друг на друга. У матери был полный список, но после её смерти номера менялись, жильцы уезжали, квартиры сдавали.

— У Лидии есть чат, — сказал Андрей.

— Чат не заменяет список. Передайте актуальные телефоны.

После их ухода Андрей достал из шкафа спортивную сумку. Положил паспорт, документы на автобус, лекарства, бельё, свитер. Олег стоял в дверях и молча наблюдал.

— Тебе собрать? — спросил Андрей.

— Я домой поеду.

— Дорогу расчистили?

— По нижней проеду.

— Копию свидетельства на долю возьми.

— У меня есть.

— Не старую. После наследства.

Олег подошёл к шкафу, вынул нижний ящик и перебрал папки. Там лежали квитанции, инструкции к стиральной машине, гарантия на окна и старые блокноты Тамары. Нужный документ нашёлся в синей пластиковой папке.

— Здесь не всё, — сказал Олег.

— Что именно?

— Мать хранила бумаги по дому отдельно. Толстая зелёная папка, на резинке.

— Может, Лидии отдала.

— Личные документы она не отдавала.

— Потом поищем. Сейчас мне на рейс.

Телефон завибрировал. Ирина ответила голосовым сообщением, но Андрей включил громкую связь.

— Андрей Викторович, вы правы: формулировка в сводке неудачная. Это внутренняя отметка о согласии на осмотр, но из заголовка этого не видно. Я уже отправила исправленную таблицу, там будет отдельная графа «Осмотр». Решения о переселении в сводке вообще не отражаются. Ваше письменное условие приложено к документу. Осмотр не назначаю до вашего подтверждения.

Олег дослушал и сказал:

— Теперь она признаёт, потому что ты поймал.

— Главное, что признаёт письменно.

— Главное будет, когда лист заменят.

Во дворе новый лист появился через полчаса. Ирина привезла его сама. В таблице теперь были две графы: «Получение предложения» и «Намерение осмотреть». Напротив квартиры Климовых в обеих стояла дата. Графы согласия на переселение не было.

Жильцы снова собрались у доски. Корнеев принёс своё предложение, Лидия — тетрадь с телефонами. Ирина встала на нижней ступеньке, чтобы её было видно.

— Вчерашняя таблица была составлена так, что отметку можно было понять неправильно, — сказала она. — Это моя ответственность. Подпись Андрея Викторовича не означает согласия на обмен и не связывает решения других собственников. Она подтверждает получение предложения и готовность осмотреть указанную квартиру.

— А порог подписей? — спросила Наталья.

— Для осмотров порога нет. Для соглашения по каждой квартире нужны собственники этой квартиры. Решения по общему имуществу оформляются отдельно. Никого не переселяют одной подписью соседа.

— А квартиры другим отдадите, пока мы думаем? — спросил Николай.

Ирина не стала обещать невозможного.

— Конкретные предложения действуют до указанного срока. Если квартира будет признана неподходящей по подтверждённым причинам, ищем замену. Если человек просто не отвечает, держать помещение бесконечно район не сможет.

— Значит, всё равно торопите, — сказала Лидия.

— Да. Дом опасный, деньги программы ограничены, сроки есть. Но торопить и подменять решение — не одно и то же.

Андрей заметил, что несколько человек фотографируют уже не таблицу, а Ирину. Её слова к вечеру тоже разойдутся кусками. Кто-то оставит признание ошибки, кто-то — угрозу отдать квартиры другим.

— Нам нужен общий лист вопросов, — сказал он. — Площадь, этаж, отопление, доступность, кладовые, расстояние до остановки. И ответ напротив каждого пункта, чтобы не пересказывать по квартирам.

— Составляйте, — ответила Ирина. — Я дам письменные ответы.

— И планы всех предложенных квартир.

— Собственникам — да. Общий план с номерами квартир вывешивать нельзя.

Лидия уже открыла тетрадь.

— Сегодня в семь собираемся в сушилке. По одному от квартиры, иначе не поместимся.

- Я буду на вечернем рейсе, — сказал Андрей.
- Мы из-за твоей подписи собираемся.
- Тогда начните без меня. Я привезу детей и приду.
- Николай усмехнулся.
- Опять сначала автобус.
- В автобусе ваши дети.

Соня стояла у подъезда с рюкзаком и слушала взрослых. Андрей увидел её и посмотрел на часы. До первой остановки оставалось двадцать минут.

- Идём, — сказал он. — Сегодня через карьер.
- Я знаю. Папа бутерброды положил.

Они пошли к автобусу. За спиной Лидия диктовала Ирине номера квартир, а Олег требовал вписать в список площадь старой кладовой. Разговор больше не держался на одном слове «да». Теперь у каждого появлялся свой вопрос.

На площадке Андрей заметил под дворником сложенный лист. Это была копия первой таблицы. Слово «да» напротив его квартиры обвели красной ручкой, а рядом написали: «Первый пошёл».

Он показал лист Ирине, которая подошла следом.

- Это не мой почерк, — сказала она.
- Я понимаю.
- Хотите, приложим к обращению?

Андрей сложил бумагу и убрал в сумку.

— Пока сохраню. Исправление вы сделали при всех. Остальное нам придётся исправлять самим.

Он сел за руль, дождался, пока Соня пристегнётся, и завёл двигатель. Перед выездом проверил зеркала. У доски объявлений люди ещё спорили, но уже смотрели не на Климова, а в собственные бумаги.

На первой развилке Андрей повернул к карьру. Обычная дорога оставалась закрыта красным щитом. На нём белой краской было написано: «Проезда нет».

Такую надпись понять неправильно было невозможно. Андрей подумал, что с домом им теперь нужны именно такие слова: короткие, точные и разные для каждого решения. Осмотреть — не принять. Получить — не согласиться. Торопиться — не значит отдавать право выбирать.

Но когда автобус поднялся над Белогорьем, он увидел внизу новый белый корпус. Даже отсюда можно было различить тёмные прямоугольники лоджий. В одной из этих квартир уже мысленно стояли их с Олегом коробки, хотя ни один из братьев ещё не переступил порог.

Глава 3. Половина квартиры

К вечернему собранию Андрей опоздал на двадцать семь минут.

Автобус полз по карьерной дороге на второй передаче. После дневной оттепели колея стала глубже, и на обратном рейсе пришлось дважды выходить, отбрасывать лопатой мокрый щебень из-под колёс. Дети притихли только на крутом участке. Потом заговорили разом: кто успеет к секции, у кого остынет ужин, почему взрослые не могут починить одну дорогу. Андрей отвечал, что дорогу сначала должны обследовать. Сам слышал, как часто за последние сутки произносит это слово.

У школы его ждала диспетчер Вера Павловна. Она стояла под козырьком с журналом рейсов, хотя могла принять отметку утром.

— Сорок две минуты сверх расписания, — сказала она. — Родители уже звонят.

— Я записал причину.

— Причину они знают. Спрашивают, надолго ли.

— Не знаю.

— Завтра водитель технадзора проедет карьер. Если скажет, что для автобуса опасно, маршрут сократят до нижней остановки.

— А верхние посёлки?

— Пока родители сами. Не смотри на меня так, Андрей. Я эту дорогу не закрывала.

Он расписался в журнале и отдельно отметил, где машина задела защитой колеи. Вера Павловна прочитала запись.

— Ты сегодня домой-то попадёшь?

— Пока дом открыт.

— Слышала, вам квартиры дают.

— Показывают.

— В городе уже говорят, что ты согласился.

Андрей вернул ей ручку.

— В городе быстро ездят только разговоры.

Он оставил автобус на площадке, где его можно было осмотреть снизу, и пошёл на Верхнюю улицу пешком. До дома было полтора километра в гору. В окнах сушилки на первом этаже горел свет. Через занавеску двигались головы, как в переполненном рейсе.

Внутри пахло влажным бельём и пылью от старой сушильной машины. Между натянутыми верёвками поставили складные стулья. На стене висел план нового дома, прикреплённый бельевыми прищепками. Лидия сидела за гладильной доской и записывала вопросы. Ирина Белова устроилась у подоконника с папкой. Олег стоял, прислонившись к батарее.

— Пришёл первый, — сказал Николай Мельник.

— Последним, — ответил Андрей. — Рейс задержался.

Лидия не дала разговору уйти в сторону.

— Мы дошли до кладовых. У кого есть оформленное помещение в подвале, приносят документы. У кого только фактическое пользование — записываем отдельно. Белова ничего не обещает.

— Потому что обещать без документов не могу, — сказала Ирина.

— А у Климовых кладовая оформлена? — спросила Наталья.

Олег ответил раньше брата:

— В техническом паспорте отмечена. Шесть и четыре метра.

— Не в собственности, — уточнил Андрей. — В плане дома отмечена как подсобная, закрепляли решением жильцов.

— Мать за неё восемь лет воевала, — сказал Олег. — И стеллажи там мои.

— Стеллажи можно перевезти.

— Куда? В новую кухню?

Ирина перелистнула папку.

— По вашему предложению отдельного помещения нет. Есть лоджия метр двадцать глубиной.

— Неотапливаемая? — спросил Олег.

— Остеклённая, без отопления.

— Значит, банки зимой лопнут, инструменты отсыреют, а комплект зимней резины мы положим в спальне.

— У вас там половина вещей матери, к которым три года никто не прикасался, — сказал Андрей.

Олег оттолкнулся от батареи.

— Решать, что из них лишнее, будешь не ты один.

В сушилке стало тише. Андрей снял куртку, но свободного крючка не нашёл и положил её на стиральную машину.

— Не буду, — сказал он. — Мы про вопросы к предложению говорим.

— Мы говорим про квартиру, половина которой моя. А ты уже второй день говоришь за неё перед всем домом.

Лидия постучала ручкой по гладильной доске.

— Семейное вы дома решите. Нам осталось собрать вопросы по отоплению и остановке.

— Это не только семейное, — возразил Олег. — Если администрация принимает подпись одного собственника как начало дела, пусть при всех скажет: может он без второго согласиться на обмен или нет?

Ирина закрыла папку.

— Нет. Соглашение об обмене или выкупе должны подписать оба собственника. Осмотреть помещение вправе каждый. Запросить документы тоже. Распорядиться всей квартирой один владелец половины не может.

— Вот, — сказал Олег. — Запишите.

Лидия записала, проговаривая слова вслух. Андрей видел, что соседи слушают не столько ответ, сколько братьев. Их спор превращался в ещё один общий пример, как вчера его подпись.

— И ещё запишите, — сказал он. — Осмотр назначать на время, когда могут оба собственника.

Олег повернулся к нему.

— А ты можешь?

— Если за два дня предупредят, поменяю рейс.

— В понедельник у меня установка витрины в «Ромашке». За неё аванс взял.

— Значит, не в понедельник.

Ирина внесла пометку на листе Климовых.

Собрание закончилось после девяти. Жильцы расходились по одному, забирая с подоконника планы и справки. Корнеев долго объяснял Ирине, почему третий этаж для него равен отказу. Соня пришла за матерью и уснула на складном стуле, положив щёку на рюкзак. Андрей помог Наталье разбудить её и донёс стул до кладовой сушилки.

Олег ждал в коридоре.

— Пойдём наверх, — сказал он. — Раз уж семейное надо решать дома.

В квартире было холоднее обычного. Андрей проверил кухонную дверь. Царапина стала длиннее, но карандашная отметка инженера не разошлась. Он сфотографировал её рядом с линейкой, записал время в тетрадь и поставил чайник.

Олег прошёл в материнскую комнату и вытащил из-под дивана плоский пластиковый ящик. В нём лежали чеки, договоры и сложенные пополам листы. Он перенёс всё на кухонный стол.

— Что это?

— То, чего ты не помнишь.

— Я помню ремонт.

— Тогда посчитай.

Олег разложил бумаги по годам. Окна — договор с мастерской, квитанция на сорок восемь тысяч. Батареи и трубы — тридцать одна тысяча с материалами. Проводка — двадцать шесть. Плитка для ванной, смеситель, две двери, выравнивание пола. Некоторые чеки выцвели, и цифры приходилось читать на свет.

— Сто восемьдесят семь тысяч по бумагам, — сказал Олег. — Ещё работу за кухню мне делали в обмен на два ремонта холодильников. Это я не считаю. Как и то, что сам штробил стены и таскал батареи.

Андрей налил кипятка в две кружки.

— Я не говорил, что ты ничего не вложил.

— Ты говоришь: кладовую можно очистить, квартиру можно посмотреть, предложение можно обсуждать. Словно я к ней имею отношение только на бумаге.

— А я в ней живу. Плачу за неё и чиню каждый день.

— Плата за то, чем пользуешься, не выкупает мою долю.

— Не выкупает.

Олег остановился. Он явно готовился спорить с другой фразой.

Андрей сел напротив и придвинул к себе чеки. После смерти матери они уже разбирали их у нотариуса. Тогда документы были не доказательством, а мусором, который жалко выбросить. Олег взял половину квартиры, Андрей — вторую. О деньгах ремонта поговорили быстро: когда-нибудь при продаже учтут. Продажи не предполагалось, поэтому «когда-нибудь» устроило обоих.

Теперь на столе лежало это когда-нибудь.

— Сколько ты хочешь получить? — спросил Андрей.

— За что?

— Если квартиру выкупят. Или если дадут новую и мы её продадим.

— Половину.

— Половину цены — понятно. Ремонт сверху?

— Ты хочешь сейчас торговаться?

— Я хочу понять твою сумму.

Олег сложил чеки в ровную стопку.

— Деньги на ремонт мать брала у меня. Не у тебя. Ты тогда сказал, что окна ещё зиму простоят.

— Потому что менял автобус и отдавал долг за него.

— Я не спрашиваю почему. Я говорю, как было.

— Как было: ты дал деньги, мать жила здесь, я помогал руками и потом оплачивал содержание. Никто из нас не покупал этими расходами чужую половину.

— Хорошо устроился. Всё общее, пока платит кто-то другой.

Андрей отпил чай. Он успел остыть ещё до того, как настоялся.

— Давай без этого.

— Без чего? Без цифр?

— Без фразы, будто я жил за твой счёт.

— Ты живёшь в квартире целиком, хотя владеешь половиной.

— Я предлагал платить тебе за пользование комнатой. Ты отказался.

— Потому что мать ещё была жива, когда ты туда переехал.

— После её смерти предлагал ещё раз.

Олег отвернулся к окну. За стеклом отражалась кухня, и тёмный двор почти не был виден.

— Пять тысяч, — сказал он. — За комнату, в которую я не мог бы поселить никого без скандала со всем домом.

— Я назвал первую сумму. Ты мог назвать другую.

— Не хотел брать с брата.

— А теперь хочешь получить всё сразу за прошлые годы?

— Теперь нас заставляют считать.

Чайник шёлкнул, остывая. Андрей собрал бумаги по видам работ. На обороте договора об окнах мать своим почерком написала: «Олег — 30, я — 18». На квитанции за батареи стояло: «О. полностью». На чеке за двери — просто дата.

— Это не сто восемьдесят семь твоих, — сказал Андрей. — По окнам тридцать. За плитку платила мать, я ездил за ней. Двери мы покупали вдвоём.

— Ты дал восемь тысяч.

— Девять с половиной.

— Докажи.

— Тогда переводов не было. Я отдал наличными.

Олег коротко рассмеялся.

— Вот и вся твоя точность.

— А на половине твоих чеков не написано, кто платил.

— Они лежали у меня.

— После похорон ты забрал ящик.

— Потому что ты хотел выбросить.

Они замолчали. Андрей представил, как этот разговор прозвучал бы в сушилке. Два взрослых человека делят старые батареи, хотя стена дома треснула, а новая квартира ещё никому не принадлежит. От этого цифры не становились менее важными. Наоборот: если отмахнуться сейчас, они вернутся при первой подписи под настоящим соглашением.

— Давай так, — сказал он. — Всё, где есть пометка матери или твоя оплата подтверждается, записываем как твой вклад. Где пометки нет — не спорим сегодня, а ищем выписки и мои записи. Работу руками в деньги сами не переводим. Если понадобится, оценщик скажет, сколько ремонт добавляет к нынешней цене квартиры.

— Оценщик администрации?

— Независимый.

— За чей счёт?

— Попролам.

— Ты уже нанял?

— Нет.

— Тогда это опять твои правильные слова вместо решения.

Андрей встал, достал из буфета школьную тетрадь в клетку и положил между ними.

— Пиши решение.

— Какое?

— Что ты требуешь до осмотра.

— До осмотра я требую ничего не подписывать.

— Осмотр без подписи о посещении тебе не дадут.

— Тогда читать каждую бумагу.

— Это и так ясно.

— Тебе вчера не было ясно.

Андрей раскрыл тетрадь на середине.

— Вчера я прочитал и дописал условие.

— А в таблице осталось «да».

— Таблицу исправили. Мы можем неделю повторять одно и то же или написать, что делаем дальше.

Олег взял ручку. Несколько секунд вертел её пальцами, потом вывел дату.

«До совместного осмотра квартиры по адресу: дом 7, корпус 2, квартира 46, братья Андрей и Олег Климовы договорились».

— Номер сорок шесть? — спросил Андрей.

— В предложении.

Он проверил. Олег запомнил правильно.

Первым пунктом записали: любые документы о согласии на обмен, выкуп, отказ от требований или принятие площади братья подписывают только оба после получения копии.

Вторым: на осмотр приходят вместе; если время не подходит одному, письменно просят перенести.

Третьим: во время осмотра измеряют комнаты, кухню, лоджию, дверные проёмы, проверяют отопление, воду, вентиляцию и дорогу до остановки. Андрей добавил расстояние до места, где автобус сможет безопасно развернуться. Олег — место для инструмента и возможность разгрузить тяжёлую технику у подъезда.

На четвёртом пункте снова застряли.

— Пишем: ремонт и кладовая оплачиваются отдельно, — сказал Олег.

— Мы не можем договориться за администрацию.

— Тогда: требуем оплатить.

— Требуем учесть при оценке. Кладовую — отдельно указать в ответе, потому что она не собственность.

— Если написать мягко, ответят мягко: не положено.

— Если написать неправду, ответят отказом на всё.

Олег зачеркнул половину строки так сильно, что порвал бумагу кончиком ручки. Начали на следующей странице: до решения заказывают независимую оценку нынешней квартиры с описанием неотделимых улучшений и отдельно требуют письменный ответ по утрате кладовой.

Пятый пункт Андрей предложил сам: ни один из братьев не говорит жильцам, администрации или родственникам, что другой уже согласился или отказался.

— Родственникам каким? — спросил Олег. — У нас из родственников тётя Валя, которая всё равно узнает раньше нас.

— Тогда без родственников.

— Нет, оставь. Тёте Вале особенно.

Впервые за вечер они улыбнулись одновременно.

Под текстом оставалось место для подписей. Олег положил ручку.

— Это не договор.

— Конечно.

— В суде с ним делать нечего.

— Мы не для суда пишем.

— А для чего?

— Чтобы завтра ты не говорил, будто я обещал другое. И я тебе не говорил.

Олег перечитал лист. На словах «подписывают только оба» задержался дольше всего.

— А если дом эвакуируют ночью? — спросил он. — Я не успею приехать, и тебе дадут временное жильё.

— Временное беру, если надо выйти из опасного дома. Квартиру за нас не меняю.

— Запиши.

Андрей добавил шестой пункт: срочное размещение из-за угрозы жизни не считается согласием на постоянный обмен; второй брат получает сообщение сразу после вызова аварийной службы.

Олег подписал первым. Андрей — следом. Они сфотографировали страницы на оба телефона. Оригинал остался в тетради.

— Теперь чеки, — сказал Олег.

— Сегодня?

— Ты хотел цифры.

Они считали до половины двенадцатого. Из ста восьмидесяти семи тысяч удалось без спора подтвердить сто двадцать четыре тысячи Олега и девять с половиной Андрея. Ещё по сорока трём тысячам требовались выписки или материнские записи. Десять с половиной тысяч оказались расходами на перенос раковины в квартире Олега: чек попал в ящик случайно.

— Вот поэтому и считаем, — сказал Андрей.

— Вот поэтому не выбрасывают старые бумаги.

Они разделили документы прозрачными файлами. На одном Олег написал «подтверждено», на другом — «проверить». Третий оставили для бумаг по самому дому.

— Зелёная папка была толще всех этих вместе, — сказал Олег. — Мать держала её на верхней полке.

— После похорон Лидия забирала журналы собраний.

— Журналы были красные.

— Спрошу завтра.

— Вместе спросим.

Телефон Андрея зазвонил. Ирина Белова прислала сообщение: осмотр квартиры можно провести во вторник в одиннадцать или в четверг в пятнадцать тридцать. Нужно подтвердить время до полудня следующего дня.

Андрей молча передал телефон Олегу.

— Во вторник витрина, — сказал тот. — В четверг свободен после двух.

— У меня дневной подвоз. Попрошу смену с Борисом.

— Не подтверждай, пока он не ответит.

— Не подтверждаю.

Олег набрал Ирине со своего телефона: «Оба собственника предварительно могут в четверг в 15:30. Окончательно подтвердим завтра до 12:00». Показал экран Андрею и только потом отправил.

Слово «оба» выглядело громоздким, но точным.

Перед уходом Олег остановился в материнской комнате. На стене осталась светлая полоса от шкафа, который они вынесли после похорон. Верхняя полка была прибита прямо над дверью. Сейчас на ней стояла коробка с ёлочными игрушками и старый радиоприёмник.

— Папка была здесь, — сказал он.

Андрей принёс табурет. Снял коробку, приподнял приёмник. За ним лежали только две открытки и засохшая ветка вербы. На обоях темнел прямоугольник, будто толстая папка действительно долго стояла у стены.

— Может, мать сама отдала, — сказал Андрей.

— Кому?

— Не знаю.

— Она бы записала.

— Значит, найдём запись.

Олег посмотрел на него снизу вверх.

— Только вместе?

Андрей спустился с табурета.

— Бумаги дома касаются всех жильцов. Но сначала вместе.

У подъезда Олег задержался возле маяка. Андрей посветил телефоном. Белая полоска оставалась целой. Мокрая трещина уходила вниз под ограждающую ленту.

— Я не держусь за эти стены, — сказал Олег. — Ты ведь так думаешь.

— Я думаю, ты держишься за то, что вложил.

— Не только деньги.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Когда отец ушёл, мать сидела на кухне и считала, хватит ли ей зарплаты. Ты уже ездил на северные рейсы. Я был здесь. Когда трубы лопнули, ты был здесь два дня, а потом уехал. Я остался с рабочими. Когда ей стало плохо, скорую вызывал я.

Андрей погасил фонарь на телефоне. Разговаривать в темноте было легче, но маяк пропал из виду.

— А когда тебя искали из-за долга, кто был здесь? — спросил он.

Олег шагнул за ленту и сразу вернулся.

— Вот. Всё равно дошли.

— Ты сам начал считать не деньги.

— Потому что квартира — не только метры.

— Тогда не говори, что моя половина бумажная. Я тоже здесь был, когда мог.

— Когда мог, — повторил Олег.

Он пошёл к машине. Андрей не окликнул. Договорённость в тетради не делала их ближе и не отменяла старых счетов. Она только не позволяла одному выдать свой счёт за общий итог.

У машины Олег обернулся.

— Борису позвони сейчас.

— Уже поздно.

— Он дежурит до полуночи.

Андрей набрал коллегу. Борис согласился взять дневной подвоз в четверг, если Андрей заменит его на субботнем соревновании. Они обменялись сообщениями, чтобы перестановка осталась не только на словах.

Андрей показал подтверждение брату. Олег при нём отправил Ирине окончательный ответ на осмотр.

— Четверг, пятнадцать тридцать, — сказал он. — Оба.

— Оба.

Машина Олега медленно спустилась по улице. Андрей вернулся в подъезд. На доске висел список вопросов, переписанный Лидией крупными буквами. Внизу кто-то добавил: «Кто решает за квартиру, если собственников двое?» Рядом другим почерком было написано: «Только двое».

Андрей не стал исправлять. Юридически точнее было бы «оба собственника». Но для их дома этой ночью двух слов хватало.

Глава 4. Дом в долине

В четверг Андрей приехал к новому дому на двадцать минут раньше.

Дорога из центра шла вниз, мимо рынка и старой котельной, потом пересекала речку по широкому мосту. Здесь снег уже почти сошёл. На газонах лежали серые пласты, а между ними блестела вода. Дом 7, корпус 2 стоял в конце новой улицы, где на картах ещё не было названия. Белые стены, тёмные лоджии, детская площадка в синей ограде. Вокруг не росло ни одного дерева выше человеческого роста.

Андрей прошёл улицу от перекрёстка до подъезда. Девятьсот сорок шагов. Тротуар был ровный, с понижениями у проездов, но заканчивался за последним домом. Дальше начиналась накатанная грузовиками глина. Автобусная остановка стояла у моста — прозрачный павильон без скамейки и кармана для заезда. Школьный автобус мог остановиться только в полосе движения.

Он сфотографировал дорогу в обе стороны. Потом дошёл до дворового разворота. Между припаркованными машинами и контейнерной площадкой большой автобус не развернулся бы. Легковой автомобиль проходил едва ли не касаясь бордюра.

— Уже недостатки собираешь?

Олег поставил машину у подъезда и вынул из багажника складной метр, маленький уровень и прибор в чёрном чехле.

— Смотрю подъезд, — ответил Андрей.

— Подъезд вон там.

— Я про дорогу.

— Квартира тебе нужна или автобусу?

— Если сюда переедут дети с Верхней улицы, автобусу тоже.

Олег захлопнул багажник.

— Мы договорились смотреть своё.

— Разворот — моё.

— Твоё начинается в половине квартиры сорок шесть.

Андрей не ответил. Они вошли в подъезд вместе.

На первом этаже пахло свежей штукатуркой и кошачьим кормом. Стены до половины были выкрашены серой моющей краской. На доске объявлений висели телефоны управляющей компании, расписание вывоза мусора и записка: «Не бросать упаковку от мебели в общий бак». Лифт пришёл быстро, но Олег настоял подняться по лестнице. Пролёты были широкими, перила не шатались. На четвёртом этаже они встретили Ирину Белову и мужчину в синей куртке с папкой.

— Павел Сергеевич, управляющая компания, — представила его Ирина. — Откроет помещение, покажет счётчики и оборудование. Я принесла план и акт первичного осмотра. Никакого соглашения сегодня не подписываем.

Она сказала это, глядя на обоих братьев.

Олег кивнул.

Квартира оказалась в конце коридора. Павел Сергеевич снял с ключа бумажную бирку «46», повернул замок и первым включил свет.

В прихожей было тепло и очень светло. Из комнаты напротив падал прямоугольник солнца. Белые стены, светлый линолеум, одинаковые двери без царапин. Ни старого шкафа, который приходилось обходить боком, ни запаха сырого подвала, ни треска труб. Андрей вошёл и остановился, чтобы первое впечатление не растворилось в измерениях.

Здесь не было страшно.

Он подумал это слишком быстро и оттого разозлился на себя. Дом №14 ещё не признали немедленно опасным. Маяк был цел. Старые стены держали их сорок лет. Но в новой прихожей пол не уходил к восточному углу, дверь закрывалась одним пальцем, и над потолком не проходила тёмная полоса после зимней протечки.

— Площадь общая пятьдесят одна и восемь, — сказала Ирина. — Жилая тридцать две и одна. Кухня девять и четыре. Лоджия в общую площадь посчитана с коэффициентом, подробность есть в плане.

Олег раскрыл метр.

— Начнём от входа.

Он измерил проём. Восемьдесят семь сантиметров между коробками. Холодильник стандартной ширины войдёт, но развернуть двухметровый шкаф в короткой прихожей будет трудно. Олег записал цифру на распечатке.

— Грузовой лифт есть? — спросил он.

— Лифт один, кабина увеличенная, — ответил Павел Сергеевич. — Дверь девяносто сантиметров.

— Холодильник боком пройдёт. Большой двухдверный — нет.

— У вас такой?

— У клиентов бывает. Я инструмент и технику вожу.

— Коммерческую работу из жилого помещения правила не запрещают, пока вы не устраиваете мастерскую и не мешаете соседям.

— Мастерской не будет. Но ящик с инструментом весит сорок килограммов. От машины далеко.

Они прошли в кухню. Окно выходило на детскую площадку и пустырь. За пустырём виднелись склады, ещё дальше — белая полоса реки. Верхняя улица отсюда была скрыта склоном.

Андрей открыл створку. В комнату вошёл шум: грузовик на мосту, детские голоса, удары молотка из соседнего корпуса. Не было гула ветра, который на горе шёл между домами всю зиму.

— Вытяжка работает? — спросил Олег.

Павел Сергеевич приложил к решётке лист бумаги. Тот удержался.

— Это не измерение, — сказал Олег.

— Для акта вызовем специалиста с прибором, если есть жалоба.

— Жалобы пока нет. Есть проверка.

— В акт запишем просьбу проверить тягу.

Олег достал свой прибор.

— Это для холодильных систем, не для вентиляции, — сказал он, прежде чем Павел Сергеевич успел спросить. — Я им температуру стен посмотрю.

Он направил красную точку на наружный угол. Показания отличались от середины стены меньше чем на два градуса.

— Нормально, — признал Олег.

Ирина записала и это.

В маленькой комнате помещались кровать, стол и узкий шкаф. Если поставить диван, раскладывать его пришлось бы в сторону двери. Большая комната была почти квадратной. Андрей встал у окна и мысленно расставил материнскую мебель. Шкаф вдоль стены, диван на месте, где падало солнце, стол у окна. Потом поймал себя на том, что уже переносит вещи.

Олег измерял стены без таких пауз.

— Где кладовая в квартире?

— Встроенной нет, — ответила Ирина.

— Ниша?

— Только место под шкаф в прихожей.

— Сколько глубина?

Пятьдесят четыре сантиметра. Ящик Олега вошёл бы, но тогда обувь и верхнюю одежду пришлось бы держать в комнатах.

На лоджию выходили из большой комнаты. Она была длинной и узкой. Олег поставил метр поперёк.

— Метр одиннадцать в чистоте. Стеллаж глубиной сорок. Останется семьдесят один сантиметр прохода.

— Для банок хватит, — сказал Андрей.

— Пока они не замёрзнут.

Павел Сергеевич объяснил, что остекление холодное и утеплять наружные конструкции без проекта нельзя. Снег внутрь не попадает, но зимой температура зависит от погоды.

— Значит, это не замена кладовой, — сказал Олег.

— Мы и не указываем её как замену, — ответила Ирина.

— А разницу где указываете?

— В вашем письменном обращении. Если подсобное помещение не оформлено как собственность, включить его метры в равнозначную площадь нельзя. Но можно описать фактическое пользование и просить другой вариант или компенсацию расходов на хранение.

— Расходов на хранение чего? Материных банок?

— Инструмента, шин, вещей, если подтвердите необходимость. Я не обещаю, что просьбу удовлетворят.

Андрей провёл ладонью по металлическому подоконнику лоджии. На нём не было ни пыли, ни ржавчины. Внизу молодая женщина толкала коляску по сухому тротуару. Ребёнок на площадке катался с горки. Жизнь уже шла, хотя дом казался не обжитым.

— Посмотри на стену, — сказал Олег.

У примыкания рамы к стене тянулась тонкая серая полоса. Павел Сергеевич потёр её пальцем.

— Строительная пыль.

Олег приложил влажную салфетку. Полоса исчезла.

— Пыль, — согласился он и записал результат.

В ванной пахло новой резиной от стиральной машины, которую прежние жильцы, похоже, так и не подключили. На трубах стояли счётчики, доступ к ним закрывал пластиковый люк. Олег открыл его и посветил внутрь.

— Почему квартира пустая? — спросил Андрей.

Ирина ответила после короткой паузы:

— Её предоставляли семье из другого аварийного дома. Они выбрали денежное возмещение и переехали к дочери в соседний район.

— Значит, предложение не новое, — сказал Олег.

— Дом сдан полтора года назад. В квартире никто не жил постоянно.

— Отопление всё это время было?

— На минимуме.

Олег потрогал соединения под раковиной, проверил кран, попросил пустить горячую воду. Сначала из трубы пошла холодная, через сорок секунд стала тёплой, ещё через полминуты горячей.

— Сколько платят за отопление? — спросил Андрей.

Павел Сергеевич назвал прошлогодние средние суммы по дому, но сразу предупредил: тариф и расход зависят от сезона, показаний общедомового прибора и площади. Ирина записала запрос на обезличенные квитанции за январь и февраль.

— А долг по квартире есть? — спросил Олег.

— Перед передачей выдадим справку об отсутствии задолженности.

— До решения.

— Запросим до решения.

Олег посмотрел на Андрея, словно проверяя, услышал ли тот разницу. Андрей кивнул.

В большой комнате они измерили каждую стену. По плану площадь совпала почти точно. Но две с половиной потерянные общие метры ощущались не в комнатах, а между ними: короче коридор, нет тёмного чулана у кухни, меньше прихожая. В старой квартире эти места казались бесполезными, пока не исчезли.

— Мебель вся не войдёт, — сказал Олег.

— Вся и не нужна.

— Пятый пункт.

— Я не говорю за тебя. Свою половину вещей разберу сам.

— А материнские?

— Вместе.

Ирина подняла взгляд от акта.

— Если вам нужно, район оплачивает обычный перевоз имущества в пределах города.

Разбор и хранение в предложение не входят.

— Обычный — это сколько грузчиков и какая машина? — спросил Андрей.

— Уточню по договору.

— И страховка при перевозке?

— Тоже уточню.

Павел Сергеевич усмехнулся:

— Вы квартиру осматриваете тщательнее, чем некоторые принимают новостройку.

— У нас второй попытки не будет, — сказал Олег.

В этот момент за стеной заплакал ребёнок. Слышно было не слова, а ровный высокий звук, потом голос женщины. Олег подошёл к стене и постучал костяшкой.

— Перегородка?

— Межквартирная стена по проекту, — ответил Павел Сергеевич.

— Звук хороший.

— Дом жилой. Полной тишины не бывает.

На Верхней улице через стену тоже слышали соседей, особенно когда Корнеев включал телевизор. Но там каждый звук был знаком: кашель, вода в стояке, шаги Лидии. Здесь плакал неизвестный ребёнок. Андрей вдруг понял, что переезд — это не только новая площадь. Нужно будет учиться различать чужую жизнь за стеной и перестать ждать знакомых шагов на лестнице.

Они вернулись в прихожую. Ирина положила акт на подоконник.

— Читайте. Здесь только результаты осмотра и перечень замечаний. Внизу отдельно написано, что акт не является согласием на предоставление помещения.

Братья встали рядом. В акте были перечислены размеры, исправность воды и отопления, просьба проверить вентиляцию, запрос справки о долгах и квитанций, отсутствие отдельной кладовой, холодное остекление лоджии, сложность разгрузки у подъезда. Андрей добавил от руки: «Остановка у моста не имеет заездного кармана; во дворе отсутствует безопасное место разворота автобуса. Просим указать предполагаемое место школьной посадки детей».

— Это к квартире не относится, — сказал Павел Сергеевич.

— К переселению семей относится, — ответил Андрей.

Ирина не зачеркнула. Рядом написала: «Передать в отдел транспорта».

Олег добавил: «Просим письменно разъяснить, каким образом учитывается утрата фактически используемой кладовой площадью 6,4 м², указанной на плане дома №14». Потом достал телефон и сфотографировал каждую страницу до подписания.

Они подписали акт оба. Ирина поставила время и раздала копии.

— Теперь ваше впечатление? — спросила она.

— В акте, — сказал Олег.

— Я не для протокола. Мне нужно понимать, искать ли другой вариант.

Олег посмотрел на комнаты. Андрей ждал его ответа.

— Дом нормальный, — наконец сказал Олег. — Квартира меньше и для наших вещей неудобная. Это не равноценная замена без расчёта.

Ирина повернулась к Андрею.

— Безопаснее старой, — сказал он. — Но дорогу для детей не решили. И долю брата нельзя закрыть словами, что стены новые.

Олег удивлённо посмотрел на него.

— Значит, отказ? — спросила Ирина.

— Значит, список вопросов, — ответили братья почти одновременно.

На улице Андрей попросил Олега не уезжать. Они обошли дом с другой стороны. Там был служебный проезд к контейнерам и пожарной площадке. Шлагбаума не было, но у стены стояли машины.

— Если убрать две машины, автобус развернётся, — сказал Андрей.

— Их каждый день убирать будешь?

— Нет. Значит, место не подходит.

— От моста десять минут пешком.

— Взрослому. Зимой, с первоклассником и портфелем — больше. А если заселят Корнеевых, он до моста по льду не дойдёт.

— Корнеев не школьник.

— Остановка нужна не только школьная. Обычный автобус тоже стоит на дороге.

Олег открыл машину, убрал инструменты в багажник, но садиться не стал.

— Ты уже защищаешь весь новый дом.

— Я вижу, что здесь не сделано.

— А что сделано, видишь?

Андрей посмотрел на четвёртый этаж. Окно квартиры сорок шесть отражало солнце.

— Вижу.

— Там мать могла бы жить без ступенек до квартиры.

— Могла бы.

— В ванной тепло. Окна не текут. Лифт есть.

— Да.

— И тебе понравилось.

Андрей не стал отрицать.

— Понравилось, что пол ровный.

— Очень высокая мечта.

— После нашей кухни — высокая.

Олег сел на край багажника.

— Мне тоже понравилось, — сказал он. — Поэтому я и считаю. Если бы это была дыра, мы бы просто отказались.

Андрей достал свою копию акта.

— Давай составим один список, пока не разъехались.

На обратной стороне рекламной листовки они записали шесть требований. Независимая оценка старой квартиры и улучшений. Письменный ответ о кладовой. Другой вариант с отдельным местом хранения или расчёт разумных расходов. Справка об отсутствии долгов и сведения о платежах. Проверка вентиляции. Решение по остановке и безопасной посадке детей до переселения семей.

Седьмым Олег добавил точные условия перевозки имущества.

— И срок ответа, — сказал Андрей.

- Они нам срок до конца месяца, мы им какой?
- Пять рабочих дней хотя бы на то, что уже есть.
- Олег записал.
- Это не отказ, — сказал Андрей.
- И не согласие.
- Осмотр.
- Вот теперь осмотр.

Они сфотографировали список. Олег уехал на вызов: в магазине мороженого перестал держать холод ларь. Андрей остался ждать обычный автобус до центра, потому что свою машину утром оставил у школы.

На остановке у моста собралось одиннадцать человек. Когда подошёл автобус, он не смог прижаться к бордюру из-за легковушки, оставленной у павильона. Пассажиры вышли прямо на проезжую часть. Женщина с коляской ждала, пока водитель опустит площадку, а сзади уже сигналил грузовик.

Андрей снял короткое видео, не показывая лиц. Отправил диспетчеру Вере Павловне с подписью: «Дом 7, корпус 2. Возможное переселение семей с детьми. Кармана и разворота нет». Она ответила через минуту: «Вижу. Завтра передам дорожникам. Не обещаю быстро».

В автобусе Андрей сел у окна. Новые дома остались позади, затем дорога пошла вверх. Чем выше они поднимались, тем больше было снега у обочин. На повороте показалась Верхняя улица. Дом №14 отсюда выглядел крепким: четыре этажа, ровные ряды окон, тёмная крыша. Ограждающую ленту у восточной стены нельзя было разглядеть.

Телефон завибрировал. В домовом чате Лидия спрашивала: «Ну что, Климовы берут?»

Олег уже напечатал ответ: «Осмотрели. Решения нет. Готовим общий список требований».

Андрей добавил: «Дом тёплый, квартира исправная. Площадь меньше, кладовой нет. По транспорту вопросов больше, чем было».

Николай Мельник сразу написал: «Значит, опять всё заблокируют».

Корнеев ответил: «Пусть сначала дадут первый этаж».

Лидия прислала только: «Собираемся завтра».

Андрей убрал телефон. Он впервые увидел новый дом не как белый корпус внизу, а изнутри: солнечная кухня, узкая лоджия, тёплая ванная, короткая прихожая. В нём можно было жить. Именно поэтому нельзя было ни отмахнуться от него, ни согласиться из одного облегчения.

На Верхней улице автобус остановился ниже закрытого участка. Андрей пошёл к дому пешком. У подъезда стояла машина аварийной службы. Инженер разговаривал с Лидией и показывал на стену над вторым этажом.

— Что случилось? — спросил Андрей.

— Пока ничего нового, — ответил инженер. — Снимаем показания. Но завтра утром придёт комиссия по дороге и дому вместе. Доступ в восточный подъезд могут ограничить на время обследования.

— На сколько?

— Скажут после осмотра.

Слово «пока» прозвучало иначе, чем в новой квартире. Там оно значило, что ещё можно требовать документы. Здесь — что дом ещё не сделал следующего движения.

Андрей поднялся к себе и проверил кухонную дверь. Она снова задела коробку. Он не стал тянуть сильнее. Открыл тетрадь, где лежала договорённость с Олегом, и рядом положил акт осмотра.

С одной стороны была половина старой квартиры. С другой — половина решения, которого ни один из братьев не мог принять один.

Глава 5. Крюк маршрута

В пять сорок утра Андрей вышел из подъезда с фонарём, хотя небо над хребтом уже начало сереть. За ночь лента у восточной стены провисла под мокрым снегом. Один колышек выдернуло из земли, и красно-белая полоса лежала на нижней ступени, будто кто-то не запретил проход, а просто устал держать границу.

Он поставил колышек обратно, натянул ленту и посветил на маяк в трещине. Белая пластинка была цела. Рядом темнела вчерашняя карандашная черта инженера. На глаз ничего не изменилось, но Андрею не понравилась вода, собравшаяся в щели между отмосткой и цоколем. Она тонкой струйкой уходила под дом.

У водокачки работал прожектор. Дорогу перекрывали два бетонных блока, между ними стояла машина дорожной службы. Андрей оставил свою легковушку у гаража автобусного парка и первым делом подошёл к диспетчеру.

Вера Павловна уже держала в руках путевой лист.

— Карьер оставили, — сказала она. — До решения комиссии. На верхнем развороте не стой, там самосвал пойдёт в семь десять.

— Кто его пустил навстречу школьному?

— Подрядчик возит камень. Я дала им наше время. Они обещали переждать.

— Обещание в путевой лист не впишешь.

— Поэтому и говорю тебе лично. Рация работает?

Андрей включил переносную радиостанцию. Динамик зашипел, голос механика ото-звался из бокса. Потом он обошёл автобус: проверил шины, фары, аварийные молотки, аптечку, крепление огнетушителя. На правой задней арке остался бурый след от вчерашней грязи. Под колесом было сухо. Он расписался за машину, но в графе маршрута не стал ставить обычный номер.

— Пиши временный объезд, — сказала Вера Павловна. — Я приложила схему.

На схеме красная линия шла от школы к карьру, поднималась длинной петлёй и возвращалась к посёлкам с северной стороны. Возле двух поворотов стояли пометки: «узко» и «уклон». Ни времени прохождения, ни мест встречи с грузовиками не было.

— Кто согласовал?

— Отдел транспорта прислал вчера вечером.

— Они проехали?

— Не знаю.

— Тогда сегодня пусть проедут со мной.

Вера Павловна сняла очки и потёрла переносицу.

— Комиссия будет в девять у водокачки. У тебя к девяти второй круг.

— Если успею.

— Вот именно. Сначала привези детей. Потом спорь.

Первую остановку Андрей прошёл по расписанию. У старого магазина ждали трое старшеклассников, у почты — ещё пятеро. Они садились сонные, стряхивали снег с ботинок и привычно здоровались. После поворота на карьер асфальт кончился. Автобус пошёл по плотному щебню, и в салоне задребезжали пустые крепления ремней.

Андрей держал скорость ниже двадцати. Слева поднималась срезанная скала, справа за невысоким валом лежала выработка, наполовину заполненная тёмной водой. Дорогу здесь строили для тяжёлых машин, но зимой ею почти не пользовались. Снег сдвинули только по ширине одной полосы. На прямом участке два автомобиля могли разойтись, если один прижмётся к валу. На повороте места не было.

Рация ожила у первого подъёма.

- Школьный, я карьерный третий. Стою наверху. Ты где?
- Прошёл нижний знак. До кармана две минуты.
- Принял. Жду.

Самосвал появился над поворотом, когда автобус ещё не дошёл до кармана. Он медленно спускался задом, сдавая к расширению. Андрей остановился. До борта грузовика оставалось метров сорок, но дети уже подняли головы.

- Почему стоим? — спросила девочка с первого ряда.
- Пропускаем большую машину.

Самосвал сдал ещё немного и прижался к скале. Андрей повёл автобус мимо. Зеркало прошло от борта на расстоянии вытянутой руки. Водитель грузовика поднял ладонь, извиняясь. Андрей ответил коротким движением и посмотрел в зеркало салона. Никто не испугался, но старшеклассники перестали смотреть в телефоны.

В верхнем посёлке к дороге вышла Соня Жарова с бабушкой. Обычно Андрей забирал младших после того, как отвозил старших к большой школе. Сегодня второй круг начался на двадцать семь минут позже. Соня стояла, прижав ранец к груди. Бабушка держала над ней широкий зонт, хотя снег уже кончился.

- Мы думали, вы не приедете, — сказала бабушка, когда дверь открылась.
- Пока дорога закрыта, время будет плавать. Вчера передали предупреждение?
- В родительский чат написали про десять минут.
- Не десять. Сегодня двадцать семь, дальше посмотрим.
- У неё завтрак в восемь двадцать.

Андрей посмотрел на часы. Было восемь тридцать две.

- Позвоню в школу.

Он связался с диспетчерской, попросил предупредить столовую и классного руководителя. Соня села рядом с мальчиком из соседнего дома. На следующей остановке детей ждали уже на дороге, а не в павильоне: родители хотели увидеть автобус издали. Один отец спросил, нельзя ли пустить маленькую машину только для младших.

— Можно просить отдел образования, — ответил Андрей. — Но она поедет тем же карьером.

- Легковая быстрее.
- На узком повороте скорость не помогает.

Он не стал обещать того, чего не решал. В школе младших встретила завуч. Столовая оставила им кашу и чай, но первый урок уже начался. Дети побежали в раздевалку. Соня задержалась у двери автобуса, старательно попала ногой на нижнюю ступеньку и сказала:

- Мама говорит, мы скоро будем жить внизу. Тогда я первая приеду.
- Сначала взрослые всё проверят.
- Там лифт.
- Лифт есть.

Она удовлетворённо кивнула и убежала. Андрей закрыл дверь. Вчера у нового дома он думал о кармане остановки и развороте. Сегодня опоздавшая каша превратила эти слова в простую меру: ребёнок либо вовремя входит в школу, либо нет.

У водокачки комиссия уже собралась. На закрытом участке стояли две белые машины администрации, фургон дорожников и внедорожник геологов. Ирина Белова увидела автобус и махнула, предлагая остановиться за ограждением. Андрей поставил машину на ровной площадке, включил аварийные огни и вышел с путевым листом.

— Вы задержались, — сказал мужчина в новой оранжевой куртке. На груди у него висел пропуск с фамилией Мартынов.

— На тридцать четыре минуты относительно старого расписания, — ответил Андрей. — Двадцать семь минут ждали младшие. Кто утверждал схему объезда?

— Временную схему составили в отделе транспорта. Я начальник дорожного участка.

— Вы по ней ехали на автобусе?

— На служебной машине.

— Она короче на четыре метра и уже почти на метр.

Мартынов посмотрел на автобус, как будто только теперь заметил его размеры.

— Проезд обеспечен. Вы же проехали.

— Проехал один круг. На повороте встретил самосвал, разошлись в кармане. Если он выйдет на две минуты раньше, сдавать придётся автобусу с детьми.

— Подрядчику велено соблюдать окно.

— Водитель сказал по рации, что ждёт наверху, а потом пошёл вниз. Я не жалуясь на него. Я спрашиваю, где записаны окна и кто отвечает, если связь пропадёт.

Ирина подошла ближе.

— Андрей Викторович, сейчас комиссия осматривает основной участок. По объезду можно составить отдельное замечание.

— Я его уже составил временем опоздания.

Он показал путевой лист. Возле каждой остановки карандашом стояло фактическое время. Вера Павловна требовала отмечать задержки, но обычно водитель записывал одну общую цифру в конце рейса. Сегодня Андрей записал всё: ожидание самосвала — шесть минут, посадка младших — четыре, подъём по щебню — восемнадцать лишних минут, второй круг — отставание двадцать семь.

Мартынов взял лист, не касаясь его пальцами, будто это был чужой документ, который нельзя принять без регистрации.

— Это ваши отметки.

— Да. В тахографе есть время движения и остановок. Возьмите копию у парка.

— Официальную оценку даст комиссия.

— Тогда включите в неё автобус, а не только легковую машину.

Геолог, пожилой мужчина в серой шапке, позвал всех к краю закрытого участка. Асфальт у водокачки просел неширокой чашей. По внешней стороне поворота шла трещина, присыпанная песком. Ниже виднелась сырая земля и несколько молодых берёз, наклонённых в одну сторону.

— Верхний слой движется по увлажнённой прослойке, — сказал геолог. — Глубину и скорость без замеров не назову. Пускать тяжёлый транспорт до обследования нельзя.

— Легковой? — спросил Мартынов.

— С ограничением и только если дорожники удержат край. Но я бы не открывал движение по полосе, пока не поставим метки и не получим хотя бы суточные данные.

— Школьный автобус тяжёлый, — сказал Андрей.

— Поэтому через карьер.

— Карьер вы проверяли?

— Это другой склон.

— Я не о грунте. О ширине, встречных машинах и ограждении над выработкой.

Мартынов шумно выдохнул.

— Нельзя решить все дороги района одной комиссией.

— Не все. Одну дорогу, по которой вы уже отправили детей.

Ирина попросила секретаря записать требование обследовать объезд фактическим школьным автобусом. Секретарь спросила номер машины. Андрей продиктовал и добавил габариты из свидетельства, которое хранилось в папке за сиденьем.

— Когда сможете проехать? — спросила Ирина у Мартынова.

— После обеда.

— После обеда дети возвращаются, — сказал Андрей. — Садитесь в автобус в тринадцать сорок.

— Я не могу строить работу участка по вашему расписанию.

— А маршрут детей уже построили по работе вашего участка.

Несколько секунд никто не говорил. Потом Вера Павловна связалась по рации и напонила Андрею, что через двенадцать минут он должен выехать за старшими. Он забрал путевой лист.

— В тринадцать сорок я отхожу от школы. Если комиссии не будет, пройду рейс и подам служебную записку с данными тахографа.

Ирина кивнула.

— Будем.

Андрей уже открыл дверь автобуса, когда она подошла к нему одна.

— По новому дому ваше замечание об остановке передали тому же отделу, — сказала она. — Они ответят, что действующая остановка соответствует схеме движения обычного автобуса.

— Обычный автобус высаживает на дороге.

— Я видела ваше видео.

— Тогда пусть ответят не только мне. На собрании люди должны знать, куда будут водить детей.

— Вы связываете две разные процедуры: аварийный объезд и расселение.

— Для вас разные. Для Сони одна дорога от дома до школы. Сейчас она живёт наверху и опаздывает из-за крюка. Переедет вниз — будет идти к остановке без кармана. Я не прошу подарка к квартире. Я прошу написать, как её будут возить.

Ирина посмотрела на закрытый поворот, потом на автобус.

— Дайте мне копию ваших отметок после смены.

— Дам через диспетчерскую, с входящим номером.

— Правильно.

Второй утренний рейс Андрей закончил с опозданием в сорок одну минуту. У старших был запас до занятий, но двое пришли к первому уроку после звонка. В школьной столовой ему налили чай в стеклянный стакан и дали холодную ватрушку, оставшуюся после завтрака. Он ел стоя у окна и видел, как на стадионе дети обходят лужу по снегу.

К нему пришла директор школы Марина Львовна. Она принесла распечатку посещаемости.

— Сегодня одиннадцать опоздавших с вашего направления, — сказала она. — Вчера семь. Если так будет неделю, родители начнут возить сами.

— Пусть не едут через водокачку. Там блоки можно объехать по обочине, но склон не открыт.

— Я это разошлю. Что нам просить?

— Не «ускорить ремонт». Пока никто не знает, можно ли отремонтировать без укрепления. Просите временное расписание, подтверждённый объезд и отдельную доставку младших, если крюк останется.

— Отдельный автобус?

— Может быть микроавтобус из нижнего посёлка. Но сначала пусть посчитают время и встречные машины.

Марина Львовна села напротив.

— Ты говоришь как человек, который хочет закрыть маршрут.

— Я хочу его не потерять.

— Тогда почему подчёркиваешь всё плохое?

— Потому что молчание не делает поворот шире.

Она провела пальцем по строке с опоздавшими.

— Родители знают, что твой дом расселяют. Уже спрашивают, не уйдёшь ли ты с маршрута.

— Пока работаю.

— А потом?

— Новый дом тоже в нашем районе.

— Но ты можешь продать квартиру, взять деньги, уехать.

Андрей не успел удивиться: значит, разговоры о долях уже вышли за пределы Верхней улицы.

— Я ещё квартиру не принял. И продавать нечего.

— Я не лезу в твоё дело. Мне нужен водитель, который знает детей и зимой не полезет на закрытый склон. Если объезд признают слишком долгим, отдел может переделать маршрут и отдать часть рейсов частнику.

Это была та цена, о которой Андрей утром не думал. Он боялся опозданий и узкого поворота, но не того, что проверка дороги станет доводом убрать его автобус. Частник мог поставить две меньшие машины и уложиться по времени. Мог и отказаться от самых дальних остановок как от невыгодных.

— Я не подпишу, что объезд безопасен, только чтобы сохранить ставку, — сказал Андрей.

— Я и не прошу.

— Но если маршрут будут делить, впишите все посёлки. Не только тех, где больше детей.

— Впишу.

К тринадцати сорока у школы стояли Ирина, Мартынов и молодой специалист транспортного отдела по фамилии Шевцов. Мартынов был без оранжевой куртки, зато с рулеткой. Шевцов принёс планшет со схемой и сел на переднее сиденье. Ирина устроилась через проход. Андрей попросил всех пристегнуться.

— Мы поедem в рабочем режиме, — предупредил он. — Дети садятся и выходят как обычно. Вопросы задавайте на конечной.

На первой остановке вошли старшеклассники. Увидев троих взрослых, они притихли. На второй один мальчик спросил, проверяющие ли это. Андрей ответил:

— Смотрят временную дорогу.

— Чтобы быстрее ездить?

— Чтобы знать, как ездить безопасно.

Перед карьером он связался с грузовиками. Ответил другой водитель:

— Школьный, стой у нижнего кармана. У меня гружёный спуск, тормозить поздно.

Андрей остановился. Прошла минута, потом три. Самосвал показался на склоне только через семь минут. Шевцов отмечал время в планшете.

— Почему он не мог ждать наверху? — спросил Мартынов.

— Потому что уже начал спуск, когда услышал нас, — ответил Андрей. — Вчера связь была раньше. Здесь за скалой рация берёт хуже.

Когда грузовик прошёл, Андрей вышел проверить дорогу перед правым колесом. За ночь щебень на краю продавило, образовалась мягкая полоса. Он вернулся за руль и взял левее.

На узком повороте Мартынов попросил остановиться. Вышли только взрослые; дети остались с сопровождающей. Дорожник измерил чистую ширину от скалы до вала, потом расстояние от края колеса автобуса до откоса. Шевцов сфотографировал. Ирина смотрела вниз на воду в выработке.

— Ограждение считается достаточным? — спросила она.

— Для технологической дороги, — ответил Мартынов.

— А для регулярной перевозки детей?

Он не ответил сразу.

— Нужна оценка организации, которая обслуживает маршрут.

— То есть ваша схема ещё не оценка?

— Это временное решение для обеспечения проезда.

Андрей услышал знакомую разницу. Как его подпись на осмотре не была согласием на обмен, так линия на карте не была подтверждением безопасного маршрута. Но и то и другое уже использовали как готовое решение, потому что людям нужно было двигаться дальше.

На верхней площадке автобусу пришлось сделать три движения, чтобы развернуться. Обычно Андрей укладывался в два, но у края стоял погрузчик. Мартынов вышел и заставил рабочего переставить машину. На это ушло ещё пять минут.

Обратный путь занял меньше, потому что грузовики ждали. У школы часы показывали пятнадцать ноль семь. По старому расписанию автобус должен был вернуться в четырнадцать двадцать девять.

Детей отпустили. Соня помахала Андрею от ворот. Взрослые остались в салоне.

— Мои выводы, — сказал Шевцов, листая записи. — Фактическое увеличение круга от тридцати восьми до пятидесяти двух минут. Радиосвязь не покрывает весь участок устойчиво. Встречное движение требует временных окон. Разворот занят техникой. Ширина на повороте требует отдельной проверки.

— И вал, — добавил Андрей.

— Ограждение края.

— И расписание младших. Они сегодня пропустили начало урока.

Шевцов записал.

Мартынов положил рулетку в сумку.

— До завтра поставим знаки приоритета и запретим грузовикам движение в школьные окна. Погрузчик уберут с разворота. Вал укрепим блоками, если комиссия потребует.

— Когда будет документ? — спросил Андрей.

— Предварительный акт сегодня.

— Кому?

— В администрацию и перевозчику.

— Школе тоже, — сказала Ирина. — И представителю родителей.

— Родители не сторона дорожного акта.

— Они сторона опоздания детей, — ответил Андрей.

Ирина предложила приложить к акту понятную памятку: часы запрета грузового движения, новые времена остановок, телефон диспетчера и предупреждение не объезжать блоки у водокачки. Шевцов согласился подготовить текст до вечера.

— Основную дорогу когда откроют? — спросил Андрей.

— Не раньше чем через три дня, — сказал Мартынов. — Возможно, позже. Геологи поставят метки. Если движение продолжается, понадобится укрепление склона.

— Тогда временное расписание нужно не на завтра, а до отдельного распоряжения.

— Напишем.

Андрей провёл ладонью по рулю. Утром ему отвечали, что проезд обеспечен. Теперь появились измеренные минуты, слабое место связи, часы для самосвалов и человек, который должен убрать погрузчик. Дорога не стала короче, но перестала быть нарисованной красной линией.

Перед уходом Ирина передала ему листок с входящим номером запроса по остановке у нового дома.

— Это не ответ, — сказала она. — Только подтверждение, что ваше замечание приняли отдельно.

— Хорошо.

— На собрании в сушилке будете говорить о маршруте?

— Если спросят.

— Спросят. После вашей подписи люди считают, что вы знаете о переселении больше остальных.

— Я знаю только то, что сам проверил.

— Иногда этого достаточно, чтобы за вами пошли.

Андрей посмотрел на пустые сиденья. Утром Соня сказала, что внизу будет приезжать первой. Возможно, другие родители тоже уже складывали переезд из таких мелких выгод: лифт, тёплая ванная, короткая дорога. А Олег складывал потери: метры, кладовую, время до работы, деньги ремонта. Сам Андрей пока не мог сложить всё в одну сумму.

— Пусть идут не за мной, — сказал он. — Пусть идут смотреть.

Вечером диспетчер распечатала предварительный акт. В нём объезд признавался допустимым на трое суток при запрете встречного грузового движения во время школьных рейсов, ежедневном осмотре покрытия и свободном развороте. Отдельной строкой значилось: окончательная безопасность и срок использования определяются после обследования. К акту приложили новое расписание. Напротив Сониной остановки стояло восемь двадцать одна — на двадцать шесть минут позже прежнего времени.

Андрей сфотографировал обе страницы и отправил в домовый чат. Сначала написал: «Основная дорога закрыта минимум на три дня». Потом добавил: «Объезд проверили автобусом. Грузовики обязаны ждать в часы рейса. Младшие будут приезжать позже, школа предупреждена».

Николай Мельник ответил: «Вот вам и безопасный старый дом».

Олег написал Андрею отдельно: «Ты теперь дорогами занимаешься или квартирой?»

Андрей набрал: «Одно от другого не отделяется». Стер. Потом написал: «Сегодня проверял маршрут. Завтра собрание. Наш список возьму».

Олег долго не отвечал. Наконец прислал: «Возьми копии чеков. И не говори за мою долю».

«Не буду».

После смены Андрей поднялся к дому пешком. Основной поворот был пуст, за блоками блестел мокрый асфальт. Отсюда школа находилась совсем близко: по прямой — несколько минут вниз. Но автобус завтра снова уйдёт в сторону карьера, поднимется, развернётся и вернётся почти к тому же месту. Крюк существовал не потому, что кто-то ошибся направлением, а потому, что короткая дорога перестала выдерживать прежнюю жизнь.

У подъезда Лидия прикрепляла к доске объявление о собрании. Рядом висела исправленная таблица с отдельными графами получения и осмотра.

— Теперь все спрашивают про дорогу, — сказала она. — Вчера спрашивали про метры.

— Завтра будут спрашивать и про то, и про другое.

— Ты скажешь, что надо переезжать?

Андрей посмотрел на маяк у стены, потом на окна своей квартиры. На кухне горел свет: он оставил его утром, хотя был уверен, что выключил. Наверное, заходил Олег своим ключом. Или он сам забыл в спешке.

— Скажу, что оставаться без проверки нельзя. И переезжать без проверки нельзя.

— Людям нужен ответ попроще.

— Дорога тоже была проще, пока её не закрыло.

Лидия разгладила объявление ладонью.

— В сушилке в шесть. Придут почти все.

Андрей вошёл в подъезд. Кухонная дверь опять задела коробку, но открылась. На столе лежала записка Олега: «Искал зелёную папку. Нет. Забрал копии чеков, оригиналы в конверте». Свет действительно оставил брат.

Андрей поставил рядом предварительный акт по объезду и новый график. В одном документе говорилось, сколько лишних минут займёт школьный рейс. В другом, которого ещё не было, предстояло решить, сколько лет люди будут жить после переезда и что потеряют по дороге.

Он выключил свет и проверил дверь ещё раз. Та прошла по коробке с сухим шорохом. Дом не требовал немедленного бегства, но каждый день добавлял новый довод, который нельзя было заменить ни страхом, ни привычкой.

Глава 6. Собрание в сушилке

К шести вечера в сушилке стало тесно. Помещение строили для бельевых верёвок и двух корыт, а не для двадцати семи жильцов. Верёвки Лидия сняла, корыта сдвинула к стене и накрыла фанерой. На фанере лежали чистые листы, две ручки и жестяная банка с ключами от подвала, куда теперь никому нельзя было входить.

Андрей пришёл раньше и поставил у двери складной стул для Корнеева. Остальные принесли табуретки из квартир. Кто-то сел на подоконник, кто-то остался стоять в коридоре. От мокрых курток пахло снегом, шерстью и сырой штукатуркой.

На стене Лидия прикрепила исправленную таблицу Ирины. В первой графе значилось, кто получил предложение, во второй — кто записался на осмотр, в третьей оставалось пустое место для решения. Напротив Климовых стояли две отметки в первых графах и прочерк в последней.

Николай Мельник подошёл к листу и ткнул пальцем в строку Андрея.

— Всё равно первый, — сказал он. — Как ни назови.

— Первый осмотрел, — ответил Андрей.

— После тебя администрация всем позвонила. До этого полгода молчали.

— Значит, надо было ещё полгода не смотреть?

— Надо было сначала договориться домом.

Олег вошёл как раз на этих словах. В руках у него была папка с копиями чеков, не зелёная, а синяя, пластиковая. Он услышал последнюю фразу и встал рядом с братом.

— Обмен он не принимал, — сказал Олег. — Но насчёт порядка Мельник прав. Одна подпись дала им повод гнать остальных.

Андрей подвинулся, освобождая ему место у стены.

— Мы это уже обсудили.

— Мы обсудили между собой. Теперь дом обсуждает.

Лидия хлопнула ладонью по фанере.

— Начинаем. Иначе до полуночи будем выяснять, кто первый вошёл в дверь. Ирина Белова сегодня не придёт. Я специально не звала администрацию, чтобы сначала собрать наши вопросы. Но кричать друг на друга без записи тоже не будем.

— А кто вас председателем выбрал? — спросила женщина из второго подъезда.

— Никто. Поэтому выбирайте ведущего.

Из коридора предложили самого Андрея. Мельник сразу возразил. Олег не сказал ничего. Тогда Корнеев поднял трость и указал на Лидию:

— Пусть ведёт та, у кого ручка. Андрей про дорогу скажет отдельно.

Большинство согласно загудело. Лидия записала дату и число присутствующих. Потом попросила называть не общие страхи, а то, что можно проверить до решения.

Первой заговорила Вера Жарова, мать Сони.

— Нам предлагают четвёртый этаж, как Климовым. Лифт есть, но если он сломается, у меня мать с больными коленями. Я просила первый или второй.

— Записываю: доступный этаж по состоянию здоровья, — сказала Лидия.

— Какому здоровью? — вмешался Мельник. — У половины дома колени.

— Значит, нужны справки и понятный порядок, — ответила Вера. — Не кто громче попросил.

— А если первых этажей на всех не хватит?

— Тогда пусть покажут, сколько их вообще есть.

Лидия записала наличие квартир по этажам и правила очередности. Рядом поставила цифру один.

Корнеев попросил слово. Он жил один в однокомнатной квартире на третьем этаже, но ходил медленно и на улицу выходил только с тростью.

— Мне дали первый этаж, — сказал он. — Окна на контейнеры. Я не жалуюсь на вид. Но под окном разгружают магазин в шесть утра. Пусть покажут другую однокомнатную. Или я посмотрю эту два раза: утром и вечером.

— Вам первый этаж дали, а вы ещё выбираете, — сказала женщина у двери.

— Я выбираю не обои. Я там, если соглашусь, до смерти жить буду.

В сушилке на секунду стало тихо. Лидия записала возможность повторного осмотра в разное время суток.

Потом заговорили все сразу. У Мельника была трёхкомнатная квартира, а предложили две комнаты и большую кухню. Семья с первого этажа пользовалась огородом под окнами и хотела знать, считается ли это утратой. Молодая пара из восточного подъезда снимала муниципальную квартиру и не понимала, предложат ли им найм или собственность. Женщина с близнецами спрашивала про школу и детский сад. Старик с четвёртого этажа требовал гараж вместо сарая, который он сам построил тридцать лет назад.

Лидия сначала старалась писать всё дословно, потом остановилась.

— По одному. Иначе у нас получится мешок жалоб, а не список.

— Так у каждого своё, — сказал Мельник. — Общего списка не будет.

— Общим может быть право увидеть расчёт, — сказал Олег.

Он вынул из синей папки копии чеков и положил на фанеру.

— У нас ремонт. У других пристройка, сарай, огород, лишняя комната. Я не предлагаю всем одну сумму. Я предлагаю потребовать, чтобы каждому письменно показали, что учли и чего не учли.

— Тебе ремонт дважды оплатить? — спросила женщина у двери. — Сначала жил в красивом, потом ещё деньги дай?

— Я там не жил.

— Брат жил.

— Квартира наполовину моя.

— Вот и делите между собой, зачем дому ваши чеки?

Олег собрал листы ровной стопкой.

— Дому они не нужны. Я показываю, почему слов «равноценная квартира» недостаточно.

Андрей видел, как у брата побелели пальцы. Вчера Олег просил не говорить за его долю. Сейчас он сам вынес эту долю в комнату, где каждый считал чужую выгоду легче собственной.

— Запишите независимую оценку по каждой квартире, — сказал Андрей. — С доступом собственника к расчёту.

— За чей счёт? — спросил Мельник.

— Вот это и спросим.

— Ты уже заказал оценщика?

— Ищем.

— Значит, опять впереди дома.

— Я не могу заказать оценку твоей квартиры.

Мельник отступил от стены.

— А подписать бумагу, после которой нас начали обзванивать, мог.

— Я подписал осмотр своей.

— Администрации нужен был первый. Они его получили.

— И что изменилось в твоём праве отказаться?

— Срок появился. До конца месяца. Раньше срока не было.

Лидия подняла ручку.

— Срок — отдельным пунктом. На каком основании до конца месяца и что будет после.

- Финансирование уйдёт другому дому, — сказала Вера. — Мне Ирина так объяснила.
- А если уйдёт? — спросил Корнеев. — Мы останемся здесь до следующего года?
- Или до следующей трещины, — отозвался кто-то из коридора.

Андрей рассказал о сегодняшнем акте дороги. Не останавливался на споре с Мартыновым, назвал только проверенные вещи: основная дорога закрыта минимум на три дня, карьерный путь добавляет от тридцати восьми до пятидесяти двух минут, грузовикам запретили встречное движение в часы рейсов, младшим изменили расписание.

- И это дом при чём? — спросил Мельник.

— При том, что склон движется не только под квартирой. Если объезд останется, маршруты могут переделать.

- Пусть переделывают. Внизу школа ближе.

- У нового дома нет кармана остановки и разворота.

Вера выпрямилась.

- Как нет? Там павильон у моста.

— Павильон есть. Автобус высаживает на проезжую часть. Во дворе школьный не развернётся.

- Соня сказала, что будет приезжать первой.

- Может, и будет. Но пока отдел транспорта не написал как.

Вера посмотрела на дочь, которая сидела в коридоре на перевёрнутом ведре и рисовала на обороте старого календаря. Потом попросила Лидию добавить остановку и школьный маршрут в общий список.

— Это уже слишком, — сказал мужчина из второго подъезда. — Нам квартиры дают, а мы им дорогу, лифт, сарай и расписание выставим. Они просто выберут другой дом.

- Кто они? — спросил Олег.

- Администрация.

- Тогда пусть так и напишут: соглашайтесь, не задавая вопросов, иначе уйдём.

- Ты хочешь всё сорвать из-за кладовой.

- Я хочу знать, что мне предлагают взамен собственности.

- Подвальная клетка у тебя в собственности?

- Она на плане и закреплена за квартирой.

- Значит, докажи.

- Именно этого я и требую: пусть посмотрят документы.

Слово «документы» прошло по комнате, как сквозняк. Несколько человек одновременно вспомнили Тамару Климову. Сначала её имя произнесли шёпотом, потом Лидия сказала вслух:

- При Тамаре мы уже собирали планы подвала. У неё всё было в зелёной папке.

Олег посмотрел на Андрея.

- Папки нет.

- Как нет? — спросила Лидия.

- На обычном месте нет. Мы ищем.

- Там копии техпаспорта, решения по отмошке, наши заявления. Я сама ей отдавала.

- Может, вы забрали после её смерти? — спросил Андрей.

- Я забрала только журнал показаний счётчиков. Папка оставалась у вас.

Мельник усмехнулся.

— Удобно. Сначала мать держала все бумаги, теперь сын первый подписал, а папка исчезла.

Олег шагнул к нему.

- Повтори, что ты имеешь в виду.

Андрей встал между ними раньше, чем успел решить, прав ли брат, что поднялся.

- Он имеет в виду то, что сказал. Бумаги надо найти. Остальное не придумывать.

— Я ничего не придумываю, — ответил Мельник. — Тамара восемь лет ходила по кабинетам. Если было предложение раньше, она бы знала.

— Какое предложение? — спросила Вера.

— Я говорю вообще.

— Нет, не вообще, — сказала Лидия. — Ты сейчас сказал про предложение.

Мельник отвёл глаза.

— Слухи были. Тогда дом у рынка освобождали. Нам вроде тоже предлагали смотреть квартиры.

— Никто нам не предлагал, — сказал Корнеев.

— Может, потому что Тамара отбила.

— Что отбила?

— Плохой вариант.

Олег вернулся к стене, но папку больше не выпускал из рук.

— Если знаете дату или адрес, скажите, — произнёс он. — Мы проверим.

— Восемь лет прошло. Не помню.

— Тогда это слух.

— Тамара дом защищала, — сказала Лидия. — Не надо сейчас делать из неё виноватую, потому что сыновья спорят о квартире.

Андрей хотел согласиться, но остановился. Он не знал, что лежало в пропавшей папке. Защищать мать от прямого обвинения было легко. Гораздо труднее было заранее объявить невозможным любой неприятный документ.

— Мы не делаем её виноватой, — сказал он. — И не будем использовать её имя вместо бумаг. Если найдём — покажем то, что относится к дому.

Олег повернул голову.

— Сначала прочитаем сами.

— Конечно.

— И личное не понесём сюда.

— Я сказал: то, что относится к дому.

Мельник снова хотел вмешаться, но Корнеев ударил тростью по полу.

— Хватит покойную делить. Мы живые ещё ничего не решили.

Лидия прочитала записанные пункты. Их оказалось четырнадцать. Часть повторялась: этаж и доступность можно было объединить; кладовые, сараи и огороды — вынести в перечень утрачиваемого имущества; школа, остановка и обычный автобус — записать как транспорт после переселения.

— А главное где? — спросила женщина с близнецами. — Кто согласен, кто нет?

— Это не вопрос к администрации, — ответила Лидия.

— Но нам надо понять, есть ли смысл. Если половина откажется, дом не расселят.

Ирина говорила Андрею о минимальном пороге подписей, но точной цифры не называла. Он заметил, как люди повернулись к нему.

— Я не знаю порога, — сказал он. — И не буду считать молчание согласием.

— А сам? — спросила Вера.

— Я готов рассматривать переезд. Не готов принимать нынешнее предложение без ответов.

— Это да или нет?

— Это ровно то, что я сказал.

— Удобный ответ.

Олег встал рядом.

— У меня ответ другой. На нынешних условиях я не согласен.

По комнате прошёл гул. Для многих это прозвучало как отказ всей квартиры Климовых. Андрей сразу поднял руку.

— У нас две доли. Олег говорит за свою. Я — за свою. Обмен без нас обоих невозможен.

— Значит, квартира отказалась, — заключил Мельник.

— Квартира не умеет отказываться, — сказал Олег. — Люди умеют.

— И из-за вашей семейной ссоры весь дом будет ждать?

— Не из-за ссоры. Из-за условий.

Мельник развернулся к остальным.

— Вот видите. Сначала они идут первыми, потом тормозят. Администрация скажет, что дом сам не знает, чего хочет.

— Дом и не обязан хотеть одну квартиру на всех, — сказала Вера.

— Тогда каждый пусть ходит отдельно.

— По отдельности нас проще торопить, — возразила Лидия.

Ссора распалась на несколько разговоров. У двери обсуждали этажи, у окна — стоимость ремонта, в коридоре — школьный маршрут. Соня перестала рисовать и прижалась к матери. Андрей понял, что ещё немного — и люди разойдутся с прежними страхами, только громче произнесёнными.

Он взял чистый лист и провёл посередине вертикальную линию.

— Давайте разделим, — сказал он достаточно громко. — Слева общее, что администрация обязана показать всем. Справа личное, что каждый проверяет по своей квартире. Решение о согласии вообще не ставим сегодня.

— Опять ты ведёшь, — сказал Мельник.

— Нет. Я рисую две колонки. Если плохая мысль, выбросим лист.

Лидия посмотрела на записи и кивнула.

— Говорите общее.

Первым назвали письменное основание срока до конца месяца и последствия отказа или задержки. Вторым — полный список доступных квартир с площадью, этажом и статусом, без фамилий будущих жильцов. Третьим — порядок предоставления доступных этажей людям, которым трудно ходить. Четвёртым — правила оценки старых квартир, ремонтов и помещений вне квартиры. Пятым — справки об отсутствии долгов и размере коммунальных платежей в новом доме. Шестым — условия перевозки имущества. Седьмым — транспорт: школьная посадка, обычная остановка, освещение пути до неё и зимняя уборка. Восьмым — право на повторный осмотр и получение копий всех подписанных актов. Девятым — точный порог согласий и возможность расселять семьи, готовые переехать, не лишая остальных права оспаривать условия.

Справа записали личное: состав семьи, число комнат, состояние здоровья, подтверждённые вложения, кладовые и сараи, этаж, расстояние до работы, особые условия найма или собственности.

— Расстояние до работы вам никто не компенсирует, — сказал Мельник.

— Может, и нет, — ответил Олег. — Но человек должен его посчитать для себя.

— Тогда пишите ещё цвет занавесок.

— Цвет не меняет расходы каждый день.

В итоге расстояние оставили в личной колонке, не как требование компенсации, а как часть собственного решения.

Лидия переписала общий список начисто. Каждый пункт начинался с действия: предоставить, разъяснить, показать, выдать, организовать. Андрей настоял, чтобы фраза про школьную остановку не звучала как просьба сделать её немедленно. Они написали: «Предоставить схему безопасной посадки и высадки детей у дома 7, корпус 2 до переселения семей с детьми школьного возраста».

- Теперь похоже на бумагу, — сказал Корнеев.
- Бумага ещё ничего не даёт, — заметил Мельник.
- Но на неё можно получить ответ.

Лидия предложила подписать список всем присутствующим. Тут спор начался снова. Мужчина из второго подъезда боялся, что подпись сочтут коллективным согласием на расселение. Андрей достал из сумки копию своего акта осмотра и показал приписку о том, что подпись не означает принятия обмена.

— Вверху напишем то же самое, — сказал он. — Обращение содержит вопросы и не является согласием на обмен, выкуп или конкретную квартиру.

— И отказом не является, — добавила Вера.

Эту фразу тоже внесли.

Олег прочитал документ дважды. Возле пункта об оценке попросил добавить слова «с выдачей расчёта собственнику». Потом подписал первым.

Андрей посмотрел на него.

— Что?

— Ничего.

— Это вопросы. Не согласие.

— Я знаю.

Андрей поставил подпись рядом. Следом подписалась Вера, потом Корнеев. Мельник долго стоял в стороне. Когда лист дошёл до него, он спросил:

— Если я подпишу, вы завтра не побежите принимать свои две комнаты?

— За тебя точно не побегим, — ответил Олег.

— А за себя?

Андрей сказал:

— Не примем, пока не получим ответы по нашему списку и оценке.

Это было обещание уже не только брату. Андрей почувствовал его вес раньше, чем Мельник взял ручку.

— Тогда подпишу вопросы, — сказал тот. — Но я против того, чтобы кладовая Климовых задержала весь дом.

— Запишите особое мнение на обороте, — предложила Лидия.

Мельник написал одну строку и расписался. После него подписали почти все. Трое отказались: молодая пара хотела сначала посоветоваться с юристом, мужчина из второго подъезда не подписывал ничего без ответа администрации, пожилая женщина сказала, что доверяла Тамаре и будет ждать, пока её сыновья разберутся.

Эта последняя причина смутила Андрея сильнее, чем обвинения Мельника.

— Не ждите нас, — сказал он женщине. — Посмотрите свою квартиру сами.

— Твоя мать плохого бы не посоветовала.

— Мать умерла. Решение ваше.

Женщина обиделась и отвернулась. Олег тихо произнёс:

— Можно было мягче.

— Можно. Но нельзя за неё решать именем матери.

Лидия сложила подписанные листы в прозрачный файл. Оригинал решили утром зарегистрировать в администрации, копию оставить на доске. Вера вызвалась пойти вместе с Лидией. Андрей предложил приложить акт по временному маршруту и фотографию остановки у нового дома. Олег — копию плана подвала без выделения их кладовой, чтобы вопрос звучал общим.

Когда люди начали расходиться, сушилка снова стала похожа на тесное подсобное помещение. Табуретки уносили наверх, фанеру освобождали. На полу остались мокрые следы ботинок и обломок синего мелка Сони.

Мельник задержался у двери.

— Я не против тебя лично, — сказал он Андрею.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. У меня сын снимает квартиру. Если дадут нормальную трёшку, он вернётся с женой. Если две комнаты — не вернётся. Я восемь лет жду не стены, а чтобы семья опять была вместе. А вы со своей кладовой выглядите так, будто торгуетесь за банки.

— Для Олега там инструмент и деньги ремонта. Для тебя третья комната — сын. На бумаге и то и другое квадратные метры.

— Вот поэтому общего решения не будет.

— Общего решения, может, и не будет. Общие правила нужны.

Мельник застегнул куртку.

— Посмотрим, что ответят.

Олег ждал Андрея на лестнице. Они поднялись в квартиру молча. Кухонная дверь в этот раз открылась без шороха, но Олег всё равно провёл пальцем по верхнему углу коробки.

— Сегодня легче, — сказал он.

— Или влажность другая.

— Ты обещал дому не принимать квартиру до оценки.

— Мы с тобой это записали раньше.

— Между нами можно было изменить договорённость.

— Хотел изменить?

— Нет. Просто теперь отступить будет сложнее.

Андрей снял куртку и положил на стол копии общего списка.

— В этом и смысл подписи.

Олег усмехнулся.

— Два дня назад ты так не говорил.

— Два дня назад моя подпись назвали тем, чем она не была. Теперь я хотя бы прочитал верхнюю строку.

Олег открыл шкаф, снова посмотрел на пустую верхнюю полку.

— Мельник не просто так сказал про восемь лет.

— Думаешь, знает что-то?

— Думаю, слышал. Мать могла ходить смотреть дом у рынка и никому не сказать, если вариант был плохой.

— Лидия бы знала.

— Не обязательно. Мать любила сначала решить, потом сообщить.

Андрей вспомнил, как Тамара приносила готовые заявления и показывала жильцам место для подписи. Тогда это казалось удобством. Она знала кабинеты, фамилии и часы приёма. Остальные были рады не разбираться.

— Где ещё может быть папка? — спросил он.

— В кладовой.

Оба посмотрели на связку ключей, которую Андрей положил возле холодильника. Вход в подвал был закрыт инженером из-за трещины у восточной стены.

— Без разрешения не полезем, — сказал Андрей.

— Я знаю.

— Завтра спросим инженера.

— А если не пустит?

— Подождём или попросим вынести с ним.

Олег убрал копии чеков обратно в синюю папку. Перед уходом он взял один экземпляр общего обращения.

— Для чего? — спросил Андрей.

— Прочитаю дома ещё раз.

— Ищи подвох?

— Считаю, что подписал.

Когда брат ушёл, Андрей подошёл к окну. Внизу Лидия и Вера ещё стояли у подъезда с прозрачным файлом. Мельник направился к своему гаражу. Корнеев медленно шёл вдоль стены, держась подальше от ленты. Каждый унёс с собрания один и тот же список, но разные надежды: этаж, комнату, деньги, дорогу, право не спешить.

На доске в сушилке осталось два слова, написанных Соней синим мелком на обороте календаря: «новый дом». Рядом она нарисовала квадрат с четырьмя окнами и автобус, который был почти такой же длины.

Андрей погасил свет на кухне. Сегодня его подпись снова сдвинула дом, только теперь не к готовому ответу. Она заставила людей договориться о вопросах. Этого было мало для переезда, но достаточно, чтобы никто больше не мог сказать, будто согласие одной квартиры означает решение всей улицы.

Глава 7. Мамино имя

Утром лист с девятью вопросами лежал на столе у начальника жилищного отдела, а его копия уже висела в сушилке. Лидия прикрепила её четырьмя кнопками и сверху красным карандашом написала входящий номер. Рядом кто-то поставил старую фотографию Тамары Климовой: та стояла возле подъезда в резиновых сапогах, держала лопату и щурилась от солнца.

Андрей увидел фотографию, когда вернулся с первого рейса. Автобус он оставил у площадки выше дома: спуск к гаражам после ночного мороза превратился в ледяной жёлоб. В сушилку Андрей зашёл проверить, не появился ли ответ администрации, но задержался у снимка.

Фотография была ему знакома. Её сделали после ливня лет двенадцать назад, когда вода с Верхней улицы пошла в подвал. Тамара тогда собрала жильцов чистить канаву, а потом заставила дорожников привезти щебень. На снимке не было ни канавы, ни дорожников. Только мать, лопата и залитые грязью сапоги. Если не знать историю, можно было решить, что дом спасла она одна.

— Хорошая карточка, — сказала за спиной пожилая Антонина Сергеевна.

Она жила на четвёртом этаже и вчера отказалась подписывать обращение, потому что хотела дожидаться решения сыновей Тамары.

— Кто принёс? — спросил Андрей.

— Я. Пусть помнят, кто за этот дом ходил.

— Вопросы собирали не в память о маме.

— А кто бы вас научил вопросы писать? Она.

Антонина Сергеевна разгладила нижний угол фотографии. Снимок был отпечатан на домашнем принтере, краска на тёмных местах легла полосами.

— В семь утра уже зарегистрировали, — продолжила она. — Лидочка с Верой съездили. Не то что некоторые: сначала весь дом разбудят, потом на работу убегут.

— У меня рейс.

— Знаю я. Не ругаю. Говорю, что мать твоя бы сама отвезла.

Андрей прочитал верхнюю строку обращения, хотя помнил её дословно. Ни согласие, ни отказ. Девять вопросов. Под ними подписи людей, которые не доверяли друг другу достаточно, чтобы переезжать вместе, но доверились одному листу.

— Уберите фотографию, пожалуйста, — сказал он.

Антонина Сергеевна отняла руку от кнопки.

— Почему?

— Потому что это наше обращение. Живых людей.

— Тамара тоже здесь жила.

— Жила. Но не подписывала.

— Ты матери стесняешься?

В дверях появился Мельник с металлическим ящиком для инструментов. Он услышал вопрос, остановился и посмотрел не на Андрея, а на фотографию.

— Пусть висит, — сказал он. — Она дом знала лучше всех.

— Именно поэтому не надо делать вид, будто она отвечает за нынешние решения.

— Никто не делает.

— Антонина Сергеевна вчера сказала, что подождёт нас, потому что мама плохого бы не посоветовала.

Старуха поджала губы.

— А что, неправда?

Андрей хотел ответить резко, но посмотрел на её пальцы. На одном суставе кожа была содрана, ноготь большого пальца почернел. Она каждый день спускалась с четвёртого этажа, держась за перила обеими руками, а теперь ей предлагали квартиру на третьем этаже в доме с лифтом. Для неё память о Тамаре была не рассуждением. Это был привычный человек, который звонил в службу, когда не горела лампочка, и знал, кому отнести заявление.

— Правда в том, что она старалась, — сказал Андрей. — Но квартиру вам предлагают сейчас. Этаж сейчас. Платить будете сейчас. Мама за вас этого не проверит.

— А ты проверишь?

— Могу помочь прочесть бумаги. Решение будет ваше.

Мельник поставил ящик на корыто.

— Всё ты правильно говоришь. Только когда первый побежал смотреть, про своё решение помнил, а теперь остальных учишь.

— Я не побежал принимать.

— Для администрации разница появилась после скандала.

— Появилась. Теперь она написана на каждом листе.

Мельник открыл ящик, достал отвёртку и сменный замок.

— Лидия попросила щеколду поставить. Дверь не закрывается.

Он опустился на корточки у косяка. Андрей понял, что спор окончен не потому, что они согласились, а потому, что у Мельника было дело для рук.

Антонина Сергеевна сняла фотографию, но не ушла.

— Тамара мне ванну выбила, — сказала она. — Когда стояк меняли, хотели просто дыру оставить. Она три недели ходила. Новую ванну поставили.

— Не новую, — поправил Мельник. — Со склада принесли старую эмалированную.

— Лучше моей была.

— Я не спорю.

— А Корнееву поручень она доставала. И крышу через суд заставила крыть. И после того дождя канаву.

— Канаву мы всем домом чистили, — сказал Андрей.

— Она всех собрала.

Это было правдой. Мать умела сделать так, чтобы человек пришёл с лопатой и ещё считал, что сам решил. Андрей в детстве гордился этим. Позже злился, когда тем же голосом она распоряжалась его воскресеньем, зарплатой и отпуском. После её смерти эта черта опять стала достоинством: покойным охотно возвращали лучшие стороны и забывали цену, которую платили близкие.

— Вот и не снимайте её, — сказала Антонина Сергеевна.

— Повесьте у себя, — ответил Андрей. — Здесь документы.

Она сложила снимок пополам. Андрей поморщился: стиб прошёл по лицу матери.

— Я вам рамку вечером принесу.

— Не надо. У меня есть.

Старуха ушла. Мельник продолжал отвинчивать старую планку.

— Зря обидел, — сказал он.

— Если фотография будет висеть над обращением, половина решит, что Климовы опять ведут дом.

— А ты разве не ведёшь?

— Нет.

— Первый подписал. Дорогу проверил. Список правил. Теперь фотографию запрещаешь. Андрей прислонился к стене.

— Список составляли все.

— Но говорят о тебе.

Новый замок лёг в выемку неплотно. Мельник достал стамеску и стал снимать древесину короткими ударами.

— Вчера Олег разумную вещь сказал про две колонки, — продолжил он. — Я утром жене рассказал. Она спросила: это Олег, который восемь лет назад машину разбил?

Андрей выпрямился.

— Какое это имеет отношение к квартире?

— Не знаю. Ты спросил, откуда слух. Я ночью вспоминал. Тогда весь дом говорил, что Тамара срочно собирает деньги.

— Не весь дом.

— Я говорил с теми, кто жил. Она просила аванс за твою долю у двоюродной сестры, продавала гараж отца. В тот же год возле рынка освобождали два дома. Потом люди перестали обсуждать переезд, а Олег исчез почти на год.

— Он работал в областном центре.

— Может быть. Я не утверждаю. Но время совпало.

— И из совпадения ты сделал предложение о расселении?

Мельник проверил язычок замка.

— Я слышал про него от Тамары.

— Что именно?

— Она сказала моей жене: «Не дадим переселить нас к рынку». Света тогда обрадовалась, думала, предложат трёшку ближе к сыновей школе. А через неделю Тамара объявила на собрании, что никаких подходящих вариантов нет.

— Ты был на собрании?

— Был. Только бумаг она не показывала.

— Почему вчера не сказал?

— Потому что не был уверен, что правильно помню. И потому что вчера вы с Олегом уже готовы были мне горло перегрызть.

Андрей посмотрел на доску. Среди девяти требований не было вопроса о старом предложении. Они спрашивали, на каком основании торопят дом сейчас, но не знали, что восемь лет назад могли получить ответ, которого не видели.

— Светлана дома?

— В магазине до двух.

— Можно с ней поговорить?

— Можно. Только не делай из меня свидетеля на суде. Я рассказал, что помню.

Мельник дважды закрыл дверь. Язычок вошёл ровно.

— И ещё, — сказал он. — Тамара не обязательно сделала что-то плохое. Дом у рынка был хуже нашего. Там окна на погрузочную площадку выходили. Может, она сходила, увидела и сразу отказалась.

— За всех?

— Тогда мы ей позволяли.

Эта фраза осталась с Андреем на весь второй рейс. На повороте у карьера он смотрел в зеркало и считал детей. На площадке у школы проверил шины, записал время прибытия и позвонил диспетчеру. Всё требовало отдельного действия и отдельной подписи. Никто не говорил, что водитель однажды хорошо проехал опасный участок и поэтому может впредь решать за пассажиров, куда им ехать.

После уроков Соня Мельник села на первое сиденье. Обычно она садилась с подругами в середине салона, но сегодня держала на коленях картонную папку и боялась её помять.

— Дядя Андрей, бабушка сказала, вы мамину фотографию сняли.

— Не мамину. Мою маму сняли. И не я, Антонина Сергеевна забрала.

— Она сказала, вы запретили.

— Я попросил не вешать фотографию над общим обращением.

Соня подумала.

— Потому что она умерла?

— Потому что обращение подписали другие люди.

— А если бы она была живая?

— Тогда могла бы подписать сама.

Девочка открыла папку. Внутри лежал рисунок из сушилки: новый дом с четырьмя окнами и длинный автобус. Теперь она дорисовала рядом старый дом, трещину и двух женщин. Одна держала лопату.

— Это Тамара? — спросил Андрей.

— Бабушка сказала, она спасла дом от воды.

— Воду отводили многие. Она организовала.

— А кто вторая?

— Это мама. Она подписывает квартиру.

У женщины на рисунке в руке был прямоугольный лист. Между домами Соня провела дорогу и поставила на ней стрелки в обе стороны.

— А ты где?

— В автобусе. Вас везёте.

Андрей не стал исправлять окончание. Ему понравилось, что на рисунке он не стоял впереди дома и не держал чужое заявление. Он сидел за рулём и делал то, за что действительно отвечал.

У поворота к Верхней улице дети заговорили громче. Автобус шёл через карьер третий день, и непривычный путь уже становился для них обычным. Андрей не позволял себе привыкнуть. На каждом узком месте сбрасывал скорость, перед слепым подъёмом вызывал диспетчера, возле выработки держал машину ближе к внутреннему краю. Запрет грузового движения соблюдали не все: у шлагбаума стоял пустой самосвал, и Андрей записал номер.

Когда он высадил Соню, Вера ждала у остановки с телефоном в руке.

— Ответили из администрации, — сказала она. — Пока только что обращение распределено по отделам. Ирина просит три рабочих дня.

— Срок до конца месяца идёт, пока они отвечают?

— Я спросила. Она сказала, что уточнит.

Соня протянула матери папку.

— Я Тамару нарисовала.

Вера взглянула на Андрея, потом на рисунок.

— У нас сегодня весь дом о Тамаре говорит.

— Из-за фотографии?

— Не только. Антонина Сергеевна ходит по квартирам и рассказывает, что ты отрекаешься от матери.

— Я попросил отделить её фотографию от обращения.

— Я понимаю. Но другие слышат короче.

— Пусть спросят меня.

— Спросят. Вечером у Лидии чай. Она собирает тех, кто помнит старое расселение.

— Кто решил?

— Лидия. После разговора с Мельником.

Андрей почувствовал раздражение: дом снова собрался вокруг его семьи раньше, чем он успел поговорить с Олегом. Потом признал, что именно этого требовал утром. Живые люди принимали решение сами.

Он позвонил брату из автобуса, пока двигатель прогревался перед обратным рейсом.

— Мельник вспомнил, что мать говорила про переселение к рынку.

Олег долго молчал.

— Когда?

— В тот год, когда ты уехал в область.

— Он связал это с моим долгом?

— Связал время. Я ему сказал, что это не доказательство.

— Но сам уже поверил.

— Я хочу выяснить.

— Без меня не обсуждай.

— Лидия собирает жильцов вечером. Они помнят своё, не твоё.

— А говорить будут обо мне.

— Тогда приезжай.

— У меня заказ в половине шестого.

— После заказа.

— Андрей, я не буду отчитываться перед подъездом, куда дел деньги восемь лет назад.

— Не надо. Спросим только, что им говорила мать и какие бумаги они видели.

— А если начнут?

— Остановлю.

— Ты утром фотографию остановил?

Значит, Олег уже знал.

— Попросил снять.

— Мне Антонина позвонила и сказала, что ты запретил произносить мамино имя.

— И ты поверил?

— Я знаю, как ты умеешь быть правым так, что человек потом полдня плачет.

— Приедешь?

— Постараюсь.

Вечером у Лидии собрались семеро. Большое собрание решили не созывать: пока не было ни документов, ни точной даты, только память. На кухонный стол Лидия поставила чайник, сахарницу и пустую стеклянную банку для ложек. Андрей сел у окна. Антонина Сергеевна выбрала стул напротив него и положила сложенную фотографию рядом с чашкой.

Пришли Мельник, Корнеев, Светлана Мельник и Марина Степановна из первого подъезда. Все жили в доме восемь лет назад. Вера записывала только даты, адреса и названия бумаг, а оценки просила не диктовать.

— Начнём с того, что знаем точно, — сказала Лидия. — Не с того, хорошая была Тамара или плохая.

— Хорошая, — сразу произнесла Антонина Сергеевна.

— Это не факт для запроса.

— Для меня факт.

— Для запроса нет.

Мельник рассказал о фразе «не дадим переселить нас к рынку». Светлана подтвердила, что слышала её во дворе в конце весны, но год сначала назвала другой. Корнеев вспомнил, что примерно тогда в дом приходил мужчина с рулеткой и мерил лестничные площадки. Марина Степановна считала, что это был мастер перед заменой окон. Лидия нашла старый журнал заявок: окна меняли осенью, а запись о замерах стояла в мае.

— Фамилия? — спросила Вера.

— Не записана, — ответила Лидия. — Тамара вела другой журнал. Зелёный.

— В папке? — спросил Андрей.

— Нет, тетрадь. Она потом листы из неё подшивала в папку.

Антонина Сергеевна вспомнила, что Тамара просила принести копии свидетельств о собственности.

- Для проверки счётчиков, — возразил Мельник.
- На счётчики паспорт квартиры не нужен.
- Тогда для оформления земли.
- Землю оформляли позже, — сказала Лидия.

Они спорили о месяцах, погоде и том, когда у Корнеева умерла собака, потому что он привязывал визит мужчины с рулеткой к последней прогулке с ней. Чем подробнее становились воспоминания, тем меньше они совпадали. Андрей впервые видел, как из уверенного общего рассказа отделяются семь разных прошлых.

— Было письмо, — сказала наконец Марина Степановна. — Белый конверт с гербом района. Тамара мне показала угол и сказала, что нас опять считают бедными родственниками.

- Что было в письме?
- Не читала.
- Почему решили, что о переселении?
- Она сказала: «В ваши метры хотят запихнуть чужую выгоду».
- Это могла быть кадастровая оценка, — заметила Лидия.
- Могла.
- Или ремонт, — сказал Мельник.
- Или переселение, — тихо добавил Корнеев.

В дверь позвонили. Олег вошёл с рабочей сумкой и не снял куртку.

- Уже осудили? — спросил он.
- Вспоминаем, — ответила Лидия.
- Разница небольшая.

Андрей освободил ему место, но Олег остался у двери. Вера прочитала короткий список: вероятно, в мае или июне восемь лет назад Тамара собирала копии документов, в дом приходил неизвестный замерщик, существовало письмо районной администрации, звучали слова о доме у рынка. Ни адреса, ни номера письма, ни текста предложения никто не видел.

- Вот и всё? — спросил Олег.
- Пока всё, — сказала Вера.
- А про мои долги уже рассказали?

Антонина Сергеевна отвела глаза. Мельник ответил прямо:

— Я сказал Андрею, что события были примерно в одно время. Сумм и причин не называл.

- Потому что не знаете.
- Не знаю.
- Тогда не связывайте.
- Согласен.

Олег явно ожидал сопротивления. Он поставил сумку на пол и расстегнул куртку.

— Мать мне тогда помогла, — сказал он после паузы. — Это не тайна. Продала отцовский гараж, дала деньги. Сколько и почему — наше семейное дело. Документы дома она могла удержать из-за меня, а могла из-за самого дома. Пока бумаги не нашли, оба варианта — догадки.

Андрей не перебивал. Для брата даже это признание перед соседями стоило дорого.

— Где папка? — спросила Лидия.

— Возможно, в нашей подвальной кладовой, — ответил Олег. — В квартиру после смерти матери перенесли не всё. Завтра инженер согласился проверить доступ вместе с нами. Одних нас не пугают.

- Если там общие бумаги, покажете? — спросил Корнеев.
- Общие — да. Личное — нет.
- Кто решит, что общее?

— Сначала мы с Андреем. Потом сделаем перечень документов без личных сумм и данных. Если найдём письмо дому, дадим копию Лидии.

Мельник покачал головой.

— Опять Климовы решат первыми.

Олег шагнул к столу.

— Это кладовая нашей квартиры и бумаги нашей матери.

— Если она была председателем, там могут быть бумаги всего дома.

— Поэтому копии дадим. Но вы не полезете в её письма и мои долги.

— Я не прошу письма.

— Сейчас не просишь.

Лидия подвинула к Олегу пустую чашку.

— Давайте заранее напишем порядок, чтобы завтра не ругаться у подвала. Инженер открывает доступ. Андрей и Олег выносят коробки из своей клетки. При нас составляют список папок по названиям. Всё, где написано «дом №14», «собрание», «расселение», «ремонт общего имущества», копируем для дома. Закрытые личные конверты не вскрываем. Оригиналы остаются владельцам.

— А если на конверте ничего нет? — спросил Мельник.

— Тогда владельцы смотрят без нас и говорят, относится ли к дому.

— На честном слове?

— На их ответственности, — сказала Лидия. — У нас нет права обыскивать чужую кладовую.

Андрей посмотрел на Олега. Тот кивнул не сразу.

— И никто не фотографирует личное, — добавил он.

Вера записала порядок на отдельном листе. Андрей и Олег поставили подписи. Лидия подписалась как получатель копий общих документов. Мельник отказался: сказал, что не хочет превращать договорённость в ещё один повод объявить его недоверчивым. Но вслух подтвердил, что согласен.

Антонина Сергеевна развернула фотографию. Белый стигб пересекал Тамарину куртку, не лицо: Андрей утром увидел неправильно.

— Всё бумажки, — сказала она. — А человека из них не узнаете.

— Мы не человека проверяем, — ответил Андрей. — Мы проверяем, что было предложено дому.

— Если она отказалась, значит, причина была.

— Наверное.

— И всё равно вынесете на доску?

— Если отказ касался всех — да.

— Опозорите мать.

Олег посмотрел на брата. В комнате стало тихо. Андрей мог сказать, что они ничего ещё не нашли. Мог напомнить, сколько мать сделала для дома. Всё это было правдой, но Антонина Сергеевна спрашивала не о прошлом. Она спрашивала, где пройдёт граница, если правда окажется неприятной.

— Если мама решила за весь дом и скрыла предложение, её имя не сделает это правильным, — сказал Андрей. — И не отменит всего хорошего, что она сделала.

— Так не бывает. Люди запомнят одно.

— Тогда мы расскажем всё, что знаем. Не только одно.

Олег поднял сумку.

— Легко обещать за двоих.

— Я обещаю показать домовые бумаги. Мы это только что подписали вместе.

— Я подписал порядок. Не приговор матери.

— И я не подписывал приговор.

— Пока нет.

Олег вышел, не допив чай. Андрей догнал его на лестнице.

— Ты сам сказал, что общие документы покажем.

— Покажем документы. Но ты уже готов объяснить всем, почему мать была права.

— Если была.

— Слышишь себя? Вчера Мельник бросил слух, сегодня ты проводишь следствие.

— Сегодня мы отделили семь воспоминаний от трёх вещей, которые можно проверить.

— И мой долг от них отделил?

— Да.

Олег спустился на площадку ниже.

— Она продала гараж за двести десять тысяч. Мне дала сто восемьдесят. Я задолжал поставщику за оборудование, потому что напарник забрал деньги. Если бы кредитор пошёл в суд, у меня описали бы фургон и инструмент. Мать решила, что спасает мою работу.

— Я этого не знал.

— Потому что жил здесь и считал, что она просто опять помогает младшему.

— Я так не считал.

— Считал. Только молчал воспитанно.

Андрей не нашёл честного возражения. Он помнил злость, когда мать сообщила о продаже гаража уже после сделки. Гараж был отцовским, но достался ей. Право продать у неё было. Андрей всё равно чувствовал, будто семейную вещь вынесли из дома, не спросив его.

— Ты вернул деньги? — спросил он.

— Почти все. Ей. Не квартире. Не тебе.

— Я не требую.

— Пока разговор не дошёл до оценки долей.

— В ремонт ты вложил отдельно. Мы это признали.

Олег усмехнулся без радости.

— Вот поэтому я хочу сначала увидеть папку. Если она отказалась от квартиры, чтобы мою половину не пришлось продавать, ты скажешь дому. И люди решат, что восемь лет жили в трещинах из-за меня.

— Дом тогда не был аварийным.

— Для рассказа это неважно.

— Для правды важно.

— Правда не ездит одна. Ей всегда кто-нибудь даёт название.

На первом этаже хлопнула входная дверь. В подъезд вошла Антонина Сергеевна, прижимая фотографию к груди. Братья замолчали и пропустили её. Она медленно начала подниматься, переставляя обе ноги на каждую ступеньку.

— Ей нужен нижний этаж, — сказал Андрей, когда она поднялась выше. — Не мамино имя вместо проверки.

— Я понимаю.

— Тогда что ты предлагаешь?

— До завтра ничего не объявлять. Найти папку. Прочитать. Проверить, что письмо настоящее и к чему относилось. Потом говорить.

— Согласен.

— И если там личное объяснение матери, не отдавать его на доску.

— Домовые документы — дому. Письма — нет.

Олег протянул руку. Андрей пожал её. Это не было примирением: они закрепили ещё одну границу, потому что без неё не могли сделать следующий шаг.

У себя Андрей снял с антресоли старую коробку с фотографиями. Нашёл оригинал снимка у канавы. На нём за левым краем, обрезанные при печати, стояли Мельник с ломом, Лидия с ведром и сам Андрей по колено в воде. Тамара была впереди, потому что первой заметила фотоаппарат и повернулась.

Он положил снимок на стол и долго смотрел. Мать действительно собрала людей. Действительно добились щебня. Действительно любила оказываться той, кто знает, что делать. Все три правды помещались в одной фотографии, если не обрезать края.

Андрей перевернул снимок и написал карандашом дату, имена тех, кого узнал, и два слова: «чистили вместе». Потом убрал фотографию в прозрачный файл.

Завтра они откроют кладовую. Возможно, найдут только банки, инструмент и отсыревшие квитанции. Возможно, зелёная папка окажется в другом месте. Но если она лежала там, Андрей хотел прочитать её так же, как смотрел теперь на снимок: не вырезая мать из общего дела и не вырезая остальных ради её имени.

Глава 8. Две оценки

Оценщик пришёл в девять утра с лазерной рулеткой, складной лестницей и бахилами в прозрачном пакете. Его звали Денис Карпов. До входа в квартиру он попросил паспорта обоих собственников, выписку, старый технический план и договор на оценку.

— Сначала объясню границы, — сказал он. — Я определяю рыночную стоимость квартиры и подтверждённых улучшений. Решать, равноценен ли обмен лично для вас, не могу. Дорога до работы, привычный двор и отношения с соседями в рубли обычно не переводятся.

Олег одобрительно кивнул. Андрей спросил:

— Кладовая считается?

— Если она входит в состав собственности или право пользования закреплено документом, учитываем. Если это самовольно отгороженное место, описать могу, прибавить как отдельное помещение — нет.

— На старом плане есть клетка с номером квартиры.

— Посмотрю план и основание.

Денис не интересовался, кто из братьев хочет переезжать. Он измерял стены, фотографировал окна, записывал состояние труб и спрашивал год ремонта. Олег шёл следом с синей папкой чеков. Андрей держал технический план и отмечал, какие стены не совпадали с линиями тридцатилетней давности.

— Здесь перегородку двигали? — спросил Денис.

— Нет, шкаф встроенный убрали, — ответил Олег.

— На плане похоже на нишу. Нужен замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.